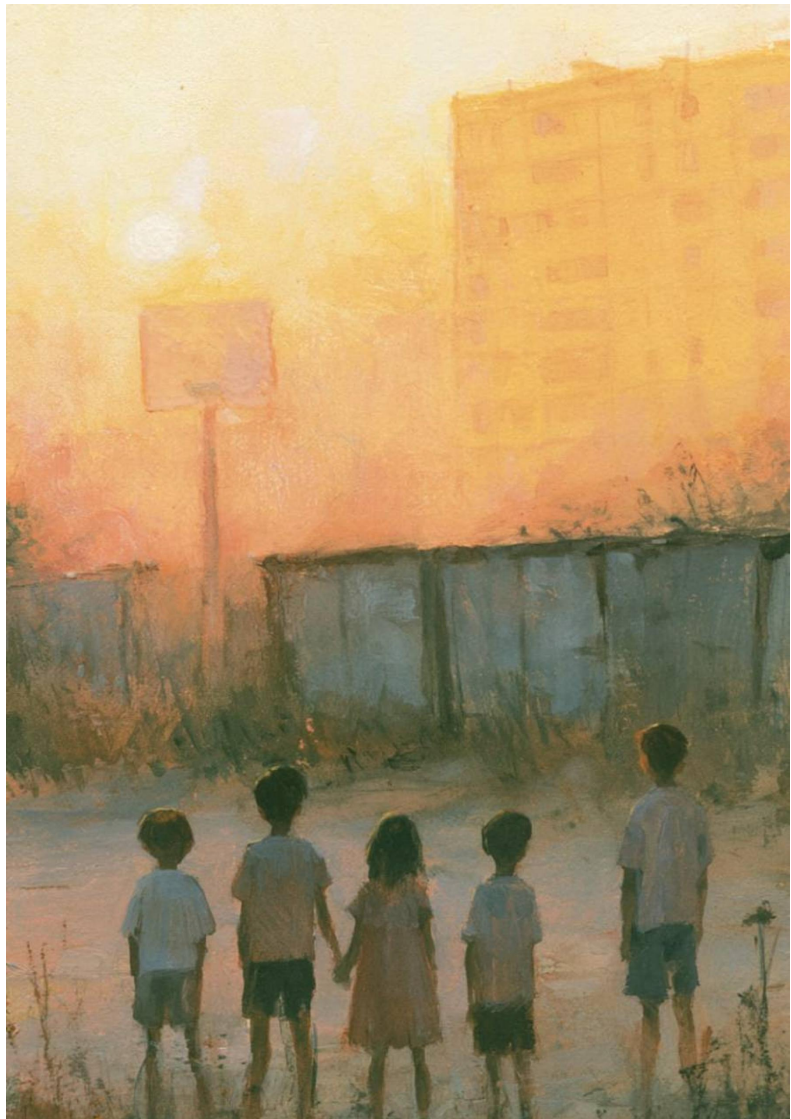

Андрей Третьяков

Дом, который ошибался

<https://litres.ru/74209524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Провинциальный город, лето девяносто шестого. Андрею с друзьями двенадцать — и в их дворе появляется баскетбольное кольцо, которого там никогда не было. У каждого начинает сбываться то, чего не хватает больше всего: пропавший брат, спившийся отец, отец, которого не было вовсе. Чем сильнее радость — тем гуще темнота вокруг. Повесть о последнем лете детства, когда цена желаемого оказывается выше, чем кажется, а взрослеть — значит научиться отпускать.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дом, который ошибался

Глава

Глава 1

Дом, который ошибался

I

Андрей проснулся от света.

Не от будильника — будильник у него был старый, ещё бабушкин, с двумя медными чашками сверху, и он его не заводил с мая. Просто солнце уже давно прошло половину комнаты и сейчас лежало прямо на одеяле, тёплое, тяжёлое, как кот Мурзик, который раньше заходил по утрам, ложился в ногах и сворачивался калачиком.

Раньше — потому что Мурзика пришлось отдать бабушке. Кот бросался на ноги маме, а ещё повадился точить когти о красивый ковёр в зале, тот, что висел на стене. Маму это окончательно добило. А Андрея Мурзик любил, как и Андрей его. Андрей до сих пор скучал, и иногда, когда они ездили к бабушке в «старый город», первым делом искал его глазами во дворе.

Он полежал ещё немного. Повернул голову к стене — на любимые фотообои.

Их клеили в позапрошлом году, вдвоём с отцом, на специальный клей, который сначала пах химией, а потом долго — как будто бы даже тиной. И это было очень в тему пейзажу. На обоях был пруд, деревянная лодка, привязанная к мосткам, и белая церковь на холме — три купола, маленькая колокольня. Андрей знал на обоях каждый шов между листами. В одном месте, у самого нижнего угла, обои чуть

отошли, и если приглядеться, было видно старую краску — салатовую, в каких-то пятнах. Он давно собирался её подклеить и всё забывал.

Иногда, особенно по утрам, когда было тихо, ему казалось, что если долго смотреть на лодку — можно услышать, как она едва-едва бьётся о мостки. Тук. Тук. Он знал, что это просто часы на кухне, но всё равно нравилось так думать.

Мальчик перевёл взгляд на книжную полку. Полка была прибита на стене у межкомнатной двери. Это была его гордость.

Не «Полное собрание сочинений» в одинаковых коричневых корешках, как у Виталика дома, и не «Библиотека приключений» с золотым тиснением, как у Тимура, которая ему досталась от деда — у Андрея было своё. Фантастика. Он собирал её как другие собирают марки: внимательно, по одной книжке, прося на день рождения, выменивая, иногда покупая на сэкономленные деньги.

Там стоял «Звёздный путь» — свежий, с глянцевой обложкой, и капитаном Жан-Люком Пикаром на ней. Андрей гордился, что у него была книга уже с новым капитаном Энтерпрайза. Ещё там были «Марсианские хроники» Брэдбери — мягкая обложка, тонкая бумага, на которой просвечивал текст с обратной стороны. «Понедельник начинается в субботу» — её ему подарил дядя Коля на десять лет, с надписью на форзаце: *«Чтобы в твоей жизни тоже всегда было чуть-чуть волшебства. Дядя Коля.»* И — «Терминатор». В

твёрдой обложке, с глянцевой картинкой: красный череп робота, оскал, металлический блеск. Андрей пытался её читать дважды. Оба раза заскучал на пятой странице. Но обложка была настолько крутая, что он всё равно ставил книгу на самое видное место, корешком вперёд, и иногда поворачивал её обложкой к себе, когда заходили друзья.

Где-то на кухне щёлкнуло — это чайник. Старый, эмалированный, со свистком, который мама всё собиралась поменять, потому что он давно перестал свистеть.

— Андрей, просыпайся! Умывайся и иди завтракать, остывает! — позвала мама с кухни.

Сегодня было воскресенье, родители были дома.

Мама всегда его будила. Если это можно было так назвать, когда он уже и сам не спал. Как она всегда понимала, что он проснулся, для Андрея оставалось загадкой.

Он встал, натянул трико «7Адидас» — уже выцветшее за два лета, потому и носил его как домашнее, — и пошлёпал босиком в ванную.

В коридоре было прохладнее.

Линолеум, потёртый посередине до светлой полосы — там, где все ходили. Зеркало у вешалки, в углу которого мама ватной палочкой нарисовала красное сердечко на их с папой годовщину, ещё в мае. Так и осталось. Свежая газета на тумбочке — папа уже выходил с утра, как он всегда и делал.

Андрей умылся ледяной водой. Он так делал всегда. Почистил зубы и пошлёпал на кухню. По пути заглянул в роди-

тельскую комнату и оттуда — на балкон, где сидел папа.

На балконе работало радио. Тихо — отец, когда паял, не любил громко. Он сидел у окна, склонившись над платой. На столе перед ним — паяльник на подставке, моток припоя, лупа на ножке, маленькая коробочка с резисторами, рассортированными по цвету. Запах канифоли — острый, сладковатый, такой, что у Андрея он навсегда будет связан с отцом и летом.

— Привет, — не поднимая головы, сказал отец.

— Привет, пап.

— Поздно встал.

— Лето.

— Лето, — согласился отец. И снова склонился над платой.

— Ты дистанционный пульт доделываешь? — Андрей увидел знакомые очертания платы.

— Ага. Внёс пару корректировок.

— Теперь и каналы будет переключать? — с энтузиазмом спросил Андрей. Первая версия пульта только регулировала громкость.

— Должно всё работать! — отец ответил с улыбкой.

Телевизор у них был ещё советский, так что родного пульта к нему не полагалось. Но Андрей знал, что есть иностранные телевизоры — «фирменные», как их называли, — у которых были пульты. В том, что у папы всё-таки получится, Андрей не сомневался. Папа уже спаял для него переход-

ник для «Денди», чтобы телевизор показывал игры цветными. Папа называл его декодером. Ещё он сделал под Новый год небольшую коробочку для переключения гирлянд. И целую коробку-пульт управления цветомузыкой, которую папа включал, когда у них собирались взрослые. Та самая, которая однажды ударила Андрея током — когда он одновременно взялся за металлический корпус и за батарею отопления.

— Пап, скорее бы.

Отец только улыбнулся, не отрываясь от пайки.

Андрей прошёл на кухню и сел за стол.

На столе его уже ждали бутерброды — как он любит. Со сливочным маслом и колбасой. Не просто хлеб и колбаса, а *с маслом*. Яичница с двумя солнечными целыми желтками и белоснежной каёмкой вокруг. И чай был под стать — ровно с двумя с половиной маленькими ложками сахара. Что тут скажешь, мама готовила.

Он ел быстро.

— Не торопись и огурцы кушай. Свежие, — сказала мама, не оборачиваясь от плиты. Она протирала плитку, тщательно, как всегда, как будто плитка была чем-то важным.

— Что сегодня?

— Гулять.

— До сколько?

— Не знаю. До вечера.

— На обед зайди обязательно.

— Угу.

— На обед картошку пожарю палочками. — Мама обернулась и подмигнула.

— Еее! — сказал Андрей и сделал характерный жест рукой. Дожевывая бутерброд, он встал из-за стола. — Ма, спасибо. Я гулять.

Андрей вышел в коридор и снял с тумбочки телефон.

Это был старый дисковый аппарат, кремовый, с длинным закрученным проводом, который вечно завязывался узлами. Андрей набрал номер Виталика — четыре, восемь, два, потом палец в диск, тяжёлый возврат, ноль, шесть. Каждая цифра — отдельная маленькая вечность.

— Алё?

— Виталь, это я. Я выхожу. Зайду за тобой, потом за Тимом.

— Угу. — Похоже, Виталя тоже что-то жевал.

— Юрке и Тимуру позвонишь?

— Да, давай.

— Ну давай.

Он положил трубку. Провод тут же снова закрутился сам по себе, как живой.

— Я пошёл!

— Ключи!

— Взял!

— Куртку!

— Мам, тридцать градусов!

— А если...

Он уже закрывал дверь.

II

На лестничной площадке всегда пахло одинаково.

Бетоном, пылью и борщом — у соседей справа, как обычно, варили борщ, даже летом, даже в августе. На стене кто-то когда-то нацарапал «САША + КАТЯ = # », потом кто-то зачеркнул «КАТЯ», а потом и «САША». Андрей знал эту надпись с прошлого лета. Катя была его соседка, закончила девятый класс и уже гуляла со старшаками. Саша — это был один из тех самых старшаков по кличке Санчес. У них у всех были клички.

Лифты Андрей не любил.

Не то чтобы боялся — нет, в сентябре в шестой класс всё-таки. Просто не любил. И вообще ему за Виталиком — это на седьмой, а дальше за Тимуром — это на четвёртый. Только Юрка жил в соседнем доме, и до него надо было идти через дорогу. Сам Андрей жил выше всех. Девятый этаж.

Мальчик пошёл пешком.

Спускался он быстро — две ступеньки за раз, держась за перила. Перила в их подъезде были крашены коричневым, и краска местами пузырилась, отслаивалась. С недавних пор ребята стали внимательно смотреть на них — слышали историю с соседнего двора, что кто-то вставил лезвие в их деревянное перило, и пацану, который на него нарвался, чуть пальцы не отрезало. Может, и брехня. Но рука всё равно теперь сама приподнималась — на всякий случай.

На восьмом он остановился. На пролёте у мусоропровода.

Зелёная труба стояла в углу площадки, как маленькая железная башня. С откидным люком, на ручке которого висела вечная тряпочка — кто-то когда-то повязал и не снял. Сбоку у короба был выступ — невысокий, сантиметров тридцать, как раз чтобы поставить ногу. Они в детстве туда залезали все. Юрка каждый раз смешно забирался.

Андрей поставил ногу. Подтянулся.

И теперь смотрел в окно — большое подъездное окно, с матовым стеклом внизу и прозрачным сверху. Снаружи оно было такое грязное, что виделось как сквозь старую плёнку. Но всё равно был виден двор.

Двор лежал внизу.

Гаражи — длинной полосой, кирпичные и самодельные из каких-то листов железа. Особым шиком было быстро, стрелой пробежать по хлюпким крышам именно таких. Еще было классно каждый раз подначивать Мишку сделать то же — с учётом, что Мишка по весу был как двое ребят. Песочница без песка. Турник, на котором Виталик поставил рекорд по подъёмам-переворотам. И — за пустырём — дом напротив. Пятиэтажка, старая и окрашенная не в голубой, а в жёлтый, давно выцветший. А за ним — забор и лётная школа. Серое здание с большой звездой на фронтоне, стадионом и плацем. По утрам оттуда иногда слышалась команда: «Раз! Раз! Раз-два-три!»

И вот тогда он увидел.

Сначала глаза прошли мимо — двор, гаражи, как всегда. Потом вернулись.

Кольцо.

Баскетбольное кольцо. Стояло во дворе, прямо по центру — там, где раньше был только обычный столб. Кольцо было металлическое. С белым щитом и красным квадратом по центру. Сеточка свисала с обода, чуть подрагивала.

Андрей моргнул.

Кольцо не исчезло.

Сердце сделало что-то странное — оно не ёкнуло, не сжалось, а как будто на секунду стало больше, чем грудная клетка. Он почувствовал жар в ушах. Это было такое детское, узнаваемое чувство — когда что-то очень-очень хорошее происходит вдруг, без предупреждения.

— Поставили, — сказал он шёпотом, сам себе. — Поставили же...

III

Он постоял ещё секунду — чтобы запомнить. Потом прыгнул с люка и побежал к двери Виталика.

Дверь у Виталика была обита коричневым дерматином, с круглыми гвоздиками по краям. Звонок — старый, с надписью «ЗВОНОК» под кнопкой, как будто кто-то мог не догадаться.

Он позвонил длительно.

Открыл сам Виталик — в шортах, в футболке с олимпийскими кольцами, ещё с той, кажется, олимпиады. Вита-

лик был спокойный, медленный, и говорил всегда так, будто слегка зевал.

— Ты чего такой?

— Кольцо поставили!

— Какое?

— Баскетбольное! В нашем дворе! Я с мусорки видел!

Виталик посмотрел на него секунду.

— Поставили?

— Поставили!

— Ну круто. — Он не стал спорить. Просто кивнул и обернулся в квартиру: — Мам, я гулять!

В коридоре появилась мама Виталика.

— Здрасьте, тёть Лен, — поздоровался Андрей.

— Здравствуй, Андрей. Виталик, ты сегодня обязательно к бабе Гале зайди, проведай.

— Ма, вчера ходил же, соседка сказала, что она опять на завод пошла. Всё, пока.

Они побежали вниз.

— Ты прикинь! Баскетбольный мяч у Юрки возьмём, — Андрей был в предвкушении.

На четвёртом — дверь Тимура. Деревянная, без обивки, с глазком. Андрей нажал звонок.

Тимур открыл сразу.

Тимур был самый старший из них — на год старше. Высокий, худой, с большими тёмными глазами и в очках. Он всегда выглядел так, будто только что думал о чём-то очень

важном.

— Чё?

— Быстрее, — выдохнул Андрей. — Поставили кольцо. Настоящее. Во дворе.

— Серьёзно?

— Я в окно с мусорки видел.

Тимур уже сел на скамеечку в коридоре, натягивал кроссовки — старые, белые, с ободраным носом. Завязывал двойным узлом — он всегда так завязывал, чтобы не развязалось.

— Быстрее!

— Да ща...

В коридоре у Тимура пахло чем-то особенным — кажется, бабушкиными лекарствами. Бабушка у Тимура была старая и почти не выходила из своей комнаты. Тимур её очень любил.

Они выбежали.

Юрка уже ждал во дворе у подъезда.

Юрка был младше всех — на полгода, но казался старше. Не потому, что выглядел — он как раз был небольшого роста, жилистый, со светлым ёжиком волос и вечной царапиной на коленке. А потому что вёл себя как старший. Он часто говорил, что у него «своя жизнь». Это значило, что иногда он пропадал по два-три дня, и ни Андрей, ни Виталик, ни Тимур не знали, где он был.

— Чё орёте?

— Кольцо!

— Кольцо?

— Пошли смотреть.

Ребята побежали — все вместе, по асфальту, который ещё хранил утреннюю прохладу под верхним слоем тепла. Мимо песочницы, мимо турника. Сначала за деревом — старым тополем, который рос как раз там — был виден только столб. Высокий металлический столб. Андрей бежал и думал: вот сейчас, ещё два шага, ещё один.

Они вышли из-за дерева.

Столб стоял.

Только столб.

Серый, металлический, голый. Без щита. Без кольца. Без сетки. Только сверху — заваренная пластина, как срез, тёмная от времени.

Андрей остановился так резко, что Виталик чуть в него не врезался.

— Чё за?.. — сказал Юрка.

Андрей смотрел.

Просто стоял и смотрел внимательно. Не мог быть другой столб. Это был *этот* столб.

— Тут ничего нет, — сказал Тимур.

Тихо сказал. Не насмешливо. Скорее с интересом.

— Ты чё, гонишь? — Юрка хохотнул, но не зло. — Андрюх, ну ты даёшь.

— Я видел, — сказал Андрей.

— Ты видел столб.

— Я видел кольцо.

Виталик подошёл ближе к столбу, постучал по нему ладо-
ню. Металл коротко загудел.

— Может, тень была? — сказал он. — С девятого этажа...
ну с седьмого. Ну с мусорки. Тень от чего-нибудь, и тебе по-
казалось.

— От чего?

— Не знаю. Ну от чего-то.

Андрей не ответил.

Он стоял ещё с полминуты, пока остальные уже потеряли
интерес и пошли к скамейкам. Он смотрел на столб. Столб
смотрел на него — равнодушно, серо, как смотрят все стол-
бы во всех дворах.

— Андрюх, ну ты идёшь? — позвал Виталик.

— Иду.

Он пошёл.

И почему-то, пока шёл, у него в голове крутилось одно: *с
мусорки было видно кольцо. С мусорки оно было точно.*

IV

— Пошли за фишками, — сказал Юрка, когда они уселись
на скамейку у подъезда.

— У меня три тысячи, — сказал Тимур.

— У меня пять, — сказал Виталик.

— У меня... — Юрка пошарил по карманам. — Червонец.
Бабушка дала!

— Богатый.

— Угу.

Ребята встали и пошли к ларьку. Андрей молча последовал за всеми.

Ларёк стоял за углом дома, у автобусной остановки. Маленький, синий, с зарешеченным окошком, за которым сидела тётя Марина — в очках, с короткими волосами цвета пшеницы. Тётя Марина их всех знала. Иногда давала жвачку в долг.

— Тётъ Марин, дайте фишек.

— Каких?

Ребята деловито обдумывали и называли, кто «Мортал Комбат», а кто «Монстры».

«Мортал Комбат» — это были фишки с бойцами из одноимённой игры и фильма. Чёрный фон, яркие краски, иногда блестящие, «редкие» — за такие можно было выменять три-четыре обычные. «Монстры» — это они так называли фишки с какими-то рисованными чудищами; на самом деле там было написано что-то, но никто особо не читал. Они тоже бывали блестящие.

Ребята расплатились — и сразу же, прямо у ларька, начали рвать пачки.

— Ха! Рэйден!

— Дай посмотреть.

— Не дам, моя.

— Я просто посмотреть.

— У меня тоже Рэйден, — сказал Тимур тихо. — У меня уже два.

— Меняю на Кейджа?

— На блестящего?

— Не, на обычного.

— Не, тогда не меняю.

Виталику попался Саб-Зиро.

— Ха! Морозильник! — И все ребята засмеялись.

Они знали, что «Саб-Зиро» в переводе означает «Ниже нуля». Им Тимур перевёл — он лучше всех знал английский.

Они шли по двору, рассматривая фишки, перекладывая, споря, у кого что выпало. Тимур шёл сзади и разглядывал свою пачку очень внимательно, как будто проверял. Остальные ребята вытащили из карманов фишки, что принесли из дома, и вложили к ним новые.

— Пошли в купеческие, — сказал Юрка. — Там пацаны играют, я видел.

«Купеческие» — так ребята называли соседний двор, это они слышали от старшаков.

В купеческих дворах шла настоящая жизнь.

Человек десять ребят сидели на корточках, бросали фишки об асфальт. Это была их игра — простая, азартная: складываешь стопочку, бьёшь сверху своей «битой» (особенной, тяжёлой, обычно металлической или склеенной из нескольких), и сколько перевернулось — то твоё.

Кто-то спорил и кричал: «Ты не так бил!»

Ребята легко встроились в общий гул. Андрей с Юркой сразу бросились в игру. Виталик задержался со знакомыми мальчишками с секции — он занимался самбо. А Тимур, как обычно, стоял в стороне и наблюдал за играющими. Он всегда так делал и только по одному ему известному алгоритму вступал в игру.

— Не считается! — крикнул Юрка. — Ты держал!

— Не держал!

— Держал!

По мнению Юрки, один из ребят воспользовался запрещённым приёмом — придержал биту в пальцах чуть дольше, чем надо, и когда она коснулась фишек, как бы потянул их за собой.

— Я видел, что не держал! — сказал другой мальчик из купеческих.

— Да вы вместе! — парировал Юрка.

На перебранку подтянулись Тимур и Виталик.

Андрей был так занят игрой, что не обратил внимания на шум. А когда поднял голову, конфликт уже был исчерпан. Ребята договорились вернуть друг другу фишки, как было в начале игры. Не дрались — никто не хотел. Но Юрка, забирая своё, не пожал руку оппоненту. И тот тоже не подал. Так и разошлись.

И вот когда Андрей заметил его.

Мальчик стоял в стороне, у стены подъезда. Не подходил. Не уходил. Просто смотрел.

Худой. В клетчатой рубашке, которая была ему чуть велика — рукава доставали до костяшек. Светлые волосы, коротко стриженные. Лицо — обыкновенное, не злое, не доброе. Просто внимательное.

Глеб.

Андрей с ним не был знаком. Но видел во дворе пару раз. Знал, что пацан из жёлтой пятиэтажки напротив. Знал, что у Глеба нет родителей — живёт он только с бабушкой, и она у него подрабатывает где-то на заводе — на том самом, в старой части города, который почти закрылся. И что на том же заводе работали родители Глеба. Это всё рассказывал когда-то Юрка, у которого был какой-то странный талант знать про всех всё.

У Глеба не было фишек.

Это было видно сразу. Он стоял с пустыми руками, одной мял пальцами воздух, а вторая была в кармане.

Андрей подошёл.

— Будешь?

Глеб поднял глаза.

Светло-серые. Внимательные. Без выражения.

— Чё?

— Играть будешь.

— Нет.

Андрею стало так не по себе от такого простого «нет».

— На, бери. — Андрей протянул ему горсть фишек, штук восемь. — Это всё равно повторки. У меня этих уже зава-

лись.

Глеб посмотрел на фишки. Потом на Андрея.

— Зачем?

— Ну как зачем. Чтоб играть.

— Я не просил.

— Я и не говорю, что просил. Бери.

Глеб ещё секунду смотрел.

Потом протянул руку.

И в этот момент Виталик, увидев, что происходит, тоже подошёл и сунул Глебу пару своих:

— На, держи. У меня двойной «Саб-Зиро». На фиг мне два.

Рядом уже стоял Тимур — помолчав, добавил ещё три.

Юрка дал две и добавил:

— Только верни, если выиграешь много.

Глеб смотрел на фишки в своих руках. Их там скопилось штук пятнадцать.

И вдруг — Андрей видел это очень отчётливо — у Глеба чуть-чуть, почти незаметно, дрогнули губы. Не улыбка. Что-то меньше улыбки.

— Спасибо, — сказал он. Тихо.

— Да брось, — сказал Андрей. — Айда играть.

Глеб кивнул.

И они пошли к кругу.

Глеб играл хорошо.

Это было даже странно — у пацана, у которого только что

не было ни одной фишки, оказалась рука. Он бил аккуратно, не размашисто, и каждый раз переворачивал три-четыре штуки. К концу часа у него было уже больше фишек, чем он получил.

Юрка, проигравший Глебу две блестящих, помрачнел. Но ничего не сказал.

Ребята доиграли. Разошлись. Глеб отдал Юрке две блестящих фишки обратно — Юрка хотел возразить, но не возразил. Просто взял.

— Спасибо, — снова сказал Глеб. И ушёл — через двор, к своему жёлтому дому.

Они смотрели ему вслед.

— Станный какой-то, — сказал Юрка.

— Нормальный, — сказал Андрей.

— Я не говорю, что не нормальный. Станный просто.

V

К палатке за газировкой они пошли в двенадцатом часу.

В этом ларьке, на остановке около купеческих дворов, уже была не знакомая им женщина, а бородатый мужик. Он продал им четыре бутылки «Колокольчика» — лимонада в стеклянных бутылках, с жёлтой этикеткой. Когда подошла Юркина очередь забирать свою, он с ним поздоровался, а Юрка как будто смутился. Ребята тут же открыли лимонад и чокнулись горлышками — это было важно, чокнуться, — и пили, сидя на бордюре.

И тогда мимо прошла Аля.

Аля была из общежития.

Общага стояла дальше по дороге — длинное пятиэтажное здание из белого кирпича, с длинными коридорами и одной кухней на этаж. Раньше туда селили семьи рабочих с завода, а сейчас уже непонятно было. Аля жила там с рождения. Мама её работала, кажется, в каком-то магазине продавщицей и подрабатывала шитьём на дому. Это тоже рассказывал Юрка.

Аля была их ровесница. Тонкая, с двумя светлыми косичками, в красном платье в мелкий цветочек. Она шла одна, с авоськой в руке, наверное, мама послала за хлебом.

— Привет, — сказал Андрей.

— Привет, — ответила Аля. И прошла мимо.

— Чё она такая? — буркнул Юрка, когда Аля скрылась за углом.

— Какая?

— Такая.

— Гордая.

— Ты-то откуда знаешь.

— Чувствую.

Виталик посмотрел вслед Але. Не сказал ничего. Глотнул из бутылки.

VI

Ребята дружно сходили на обед и опять стояли у подъезда, обговаривая дальнейший план на остаток дня.

Когда слышали тонкий свист.

Они сразу всё поняли.

— Э, пацаны, — донеслось протяжно и гнусаво из кустов около соседнего подъезда.

Не надо было даже оборачиваться, чтобы понять, кто это.

Это был Петя Шмыгов. Старшак по кличке Шмыга. Но так его можно было называть только другим старшакам.

— Пацаны, сюда подтянитесь, — не унимался Шмыга.

Ребята послушно поплелись в сторону кустов. Как и ожидалось, на лавочке — ногами на сиденье, пятой точкой на спинке — сидел Шмыга. Рядом стояли ещё двое: тот самый Саня — со стены около квартиры Андрея — и старшак с соседнего двора по кличке Мура. Ребята поздоровались со всеми.

— Чё не подходите, не здороваетесь? — начал Шмыга. Под ним уже была наплёванная лужа.

— Да вот мы туда хотели же, — замямлил Юрка.

— Хотеть не вредно, вредно не хотеть, — перебил Шмыга и гнусаво засмеялся. — Скажи, Санчес.

Саня и Мура рядом не отреагировали.

— Чё, курить есть? — спросил Шмыга.

— Не курим, — насколько мог жёстко ответил Виталик.

— Чё, спортсмены? — иронизировал Шмыга.

— Да, спортсмены! — Виталик очень гордился, что занимается самбо и даже занял первое место на городских соревнованиях.

— А чё твой спорт. Сюда зырь, щегол. — И Шмыга достал

блестящий нож-бабочку.

Ловко выкинул лезвие — оно блеснуло как-то недобро.

Ребятам стало не по себе.

— Видал, щегол? — обратился он к Виталику. Особая неприязнь у них была взаимна. — Чё твои спортсмены против такого сделают, а?

— А вот и сделают! — неожиданно даже для самого себя сказал Виталик.

Кажется, опешил даже Шмыга.

— Ты чё, мля, самый смелый, что ли?

— Это, Петь, нам пора уже... — Андрей не успел договорить.

— Заткнись, щегол, — перебил Шмыга. — Чё, ты не боишься?

— Нет.

— И чё сделать можешь?

— Могу! Я самбо занимаюсь.

— Ну пойдём, щегол, раз смелый.

Шмыга медленно и как бы лениво начал подниматься со скамейки. И вот теперь стало по-настоящему страшно.

— Это, Петь, нас мама зовёт уже, там ждёт, и папа... — первым не выдержал Юрка.

— Потеряйся, — ответил Шмыга. И пошёл в ближайшие кусты.

— Петь, нам пора, на самом деле, — это уже был Тимур. Голос у него дрожал, что только добавило страха ребятам.

Шмыга даже не обернулся.

Виталик ничего не сказал и послушно пошёл за старшаком. А за ним и ребята.

Шмыга стоял по центру своеобразного круга. Виталик встал напротив него, Юрка слева, Тима с Андреем справа. Шмыга поигрывал ножом.

— Чё, щегол. Показывай чё ты там. За базар отвечать надо.

Виталик подошёл ближе.

— Чё ты, давай. Чё ты сделаешь?

Виталика ещё не учили обороне от холодного оружия. Но он видел, как тренируются старшие ребята, а иногда они с Андреем пытались так же выбивать друг у друга короткие палки из рук, имитирующие ножи. Андрей и сам вспомнил об этом именно в тот момент, когда Виталик — как они и тренировались, сомкнув руки в треугольник — двинул в такт раскачиванию Шмыги.

Шмыга инстинктивно дёрнул ножом в сторону. А потом — Андрей это заметил очень внимательно, с перекосившимся от злобы лицом — махнул в сторону Виталика.

Андрей и Тимур сразу и не поняли, что случилось. Они просто услышали крик Юрки, переходящий в визг:

— Ты чё!

Юрка кричал и уже собирался броситься на Шмыгу.

— Слышь, щегол, тормози.

На крик прибежали остальные старшаки. Мура успел

схватить берущего разгон в истерике Юрку.

— Чё вы тут кипишуете?

Саня понял всё сразу — за секунду.

— Шмыга, ты чё, щеглов порезал? Ты совсем отморозок?

— Да чё ты, Сань. Он сам прыгнул.

— Ты чё творишь? Щас же ментов вызовут. — Саня подошёл к Виталику.

Виталик стоял неподвижно и держался за плечо. На глазах у него были слёзы. Только это были не слёзы от боли пореза. Виталик и не такое сносил. Он руку ломал два года назад, когда в хоккей играли во дворе, и вообще ни слезинки. Это были слёзы бессилия. Что он, спортсмен, ничего не может сделать. Даже друзей защитить.

— Малой, ты как? — спросил Саня.

— Чё там, покажи. — Мура уже отпустил Юрку, который просто бешено вращал глазами и что-то бормотал.

Мура отнял руку Виталика от порезанного плеча.

— Внатуре, полоснул. — Рукав футболки был в крови. — Ну ты, Шмыга внатуре отморозок. Щас же родаки их ментов вызовут.

— Виталь, ты как? — спросил Саня.

— Нормально. — Виталик едва сдерживал слёзы.

— Да чё, это нормальные пацаны. Они не скажут родакам, ментов не будет. Мура, Саня...

— Шмыга, потеряйся, — резко оборвал Саня.

— Сань, чё ты.

— Шмыга, исчезни. Чё непонятного?

Шмыга спрятал нож — тот всё ещё блестел в его руках, — и пошёл, специально через Андрея и Тимура, задев их плечом.

— Виталь, давай я бинт щас вытащу. Или идём до меня — матушка на работе, забинтуемся.

Виталик молчал.

— Виталь, давай, братан. Пацаны, тоже давайте.

— Ладно, я погнал, — сказал Мура. — Вечерком на блюдец, если чё.

— Давай, Мура. Всё, пацаны, айда.

При других обстоятельствах ребята бы рванули домой к главному старшаку с района — тому, что общался даже с какими-то зоновскими. Так во дворе называли уголовников, которые были в почёте у некоторых старших ребят. А сейчас что-то идти не хотелось. Весь этот тёмный, злобный мир был всё время где-то там — а сегодня ребята коснулись его. И частью его был Саня. Тот самый Саня, который ходил с Виталиком на секцию самбо. С Андреем, когда гулял с соседкой Катей, обсуждал новые игры. С Тимой даже мог про компьютерные программы поговорить. Тот самый Саня.

Не остановил Шмыгу. Может, и не заметил даже, что он с ножом идёт с ребятами.

Но не остановил.

Саня взял Виталика за руку и потянул. Виталик вырвал руку.

— Я сам.

— Базару нет. Виталь.

И ребята пошли в квартиру к Сане.

VII

Квартира у Сани была обычная двухкомнатная — как у всех в их доме. Та же планировка, тот же коридор. Только в коридоре, прямо у вешалки, висели — рамка за рамкой — грамоты. Самбо. Дзюдо. Чемпионат города. Первенство области. На полке над тумбочкой — кубки. Три. И один — большой, с золотой фигуркой.

А рядом, тоже в рамке, две медали. Тяжёлые, с лентой.

Ребята зашли, разулись и встали в коридоре.

Андрей подошёл ближе. Медали были не спортивные.

— Олимпиада по математике, — прочёл он вслух. — Городской этап. Первое место.

— И физика, — добавил Тимур тихо, с уважением. — Второе.

Саня появился из кухни с чайником и пачкой ваты.

— А, это. Старьё.

— Сань, ты в олимпиадах участвовал?

— Ну, в школе. Заставляли.

— И выиграл.

— Ну, выиграл. И чё.

Он не хвастался. Скорее наоборот — как будто извинялся за это.

Виталика посадили на табуретку в кухне. Саня снял с него

футболку — порез был не глубокий, но длинный, в полпредплечья. Кровь уже подсыхала. Саня промыл перекисью — Виталик дёрнулся, но без звука, — и забинтовал плотно, чисто, как будто делал это сто раз. Может, и делал.

— Всё нормально будет. Носи под футболкой. Маме скажи — упал.

— Угу.

— Фанты будете?

Они кивнули.

Фанта была настоящая — в стеклянных бутылках, не самопальная. Саня достал из тумбочки четыре стакана и разлил.

— Айда в комнату.

В комнате стояла «Сега». Это был отдельный шок: у Сани была «Сега», про которую он никогда не рассказывал — ни Виталику, ни Андрею, никому. Старшаки же. У них своя жизнь.

— «Мортал» есть, «Алладин», «Соник».

— Давай «Мортал»! — ребята сказали почти что хором.

И они сели играть.

Виталик сначала пробовал держать джойстик одной рукой — левой, здоровой. Но, быстро втянулся и забыл про плечо.

Они играли до вечера.

Где-то часов в шесть Саня встал, пошуршал на полке и достал картридж.

— Виталь, на.

— Чего?

— «Комикс Зон».

Виталик взял картридж в руку.

— Сань, да у меня даже Сеги нет, я...

— Бери, когда будет поиграешь. Классная. — Саня положил руку на плечо Виталика. — Это тебе.

Виталик посмотрел на картридж. Картинка на наклейке — нарисованный герой, выпрыгивающий из страницы комикса.

— Спасибо.

— Пожалуйста, братан.

VIII

Ребята засобирались домой и вышли во двор.

Прогулялись ещё немного.

Солнце висело низко, оранжевое, как мандарин. Тени от домов лежали длинно. От гаражей шёл запах разогретого за день металла.

— Виталь. Это... — начал Юрка.

— Я не ныл, понятно! — резко оборвал Виталик.

— Да я не про это. Ты вообще крутой, — ответил Юрка.

— Да! — хором сказали Андрей и Тимур.

— Приём крутой был, надо было только быстрее руками, — продолжил Андрей и начал показывать.

— Да сам ты быстрее.

— Да давай покажу! Бери палку. Смари.

Они начали возиться — Андрей с веткой вместо ножа,

Юрка с другой. Виталик смотрел и тоже втянулся, даже начал подсказывать. Тимур стоял в стороне и улыбался.

Где-то закричала чья-то мама:

— Серёжа, домой!

И Серёжа, чей-то Серёжа, ответил, что *«щас!»* — это вечное «щас», которое могло длиться очень долго.

— Ладно, мне тоже пора, — сказал Юрка.

— Давай, Юран. И мы пойдём.

— Пока, пацаны. Крутой был день.

— Пока.

— Кто первый на девятый? — сказал Андрей.

— Я сразу пасую, — сказал Виталик. — Я чё-то устал.

— Зассал.

— Сам ты зассал!

— Я бегу, — сказал Андрей.

— Погнали, — сказал Тима.

И ребята ринулись наперегонки в подъезд.

Они поднимались, насколько могли быстро, перепрыгивая через три ступеньки за раз. Первым прибежал Андрей. За ним Виталик. И совсем отстал Тимур.

— Е-е-е! — победно воскликнул Андрей.

— Блин, почти! — сказал Тимур.

На секунду повисла тишина — и ребята вдруг от души засмеялись. Казалось, через этот смех вышло всё напряжение за такой нелёгкий день.

— Блин, Тима. Ну ты даёшь.

— Да, я могу.

— Слушай, Виталь, — начал Андрей. — Это сегодня был ... поступок. Я и сам испугался, если честно. Да и пацаны. — Тимур опустил глаза. — А ты нет. Ты настоящий герой. Ты правда крутой, Виталь.

Виталик посмотрел на Андрея.

— Я тоже хотел сказать, что это было очень смело, Виталь, — тихо добавил Тимур.

Виталик смутился.

— Спасибо, пацаны.

И вдруг вспомнил.

— Маме что теперь говорить... — замялся он.

— Скажи, что мы стеклом игрались, как тогда, — нашёлся Андрей. — Самооборону отрабатывали.

— Ага, чтобы меня на уколы потащили, как в прошлый раз. Да тут и порез больше. В прошлый раз просто руки ис-
кромсали.

— Ладно, короче. Скажу — с пацанами соседними боро-
лись или что-то такое.

— Ладно, пацаны, я пошёл. Всё, давайте.

IX

Ребята попрощались с Андреем. Тимур проводил Витали-
ка до седьмого этажа — и как-то неловко это сделал. Даже в
своём состоянии Виталик это заметил. Сказал:

— Пока, Тима. До завтра.

— Пока, Виталь.

Виталик вошёл к себе в тамбур, и дверь на пружине хлопнула. Тимур услышал, как Виталик открывает входную дверь в квартиру, и хлопок закрывающейся двери.

И от этого ещё больше съёжился.

Он был очень зол на себя. Зол на то, что после поступка Виталика он боялся темноты — и просто спуститься пешком.

Между шестым и седьмым в их подъезде давно не было лампочки. И на его этаже тоже. Не темень, не страшно — но всё равно несколько секунд в синей мутной полутьме, где едва видно ступеньки, а собственное дыхание звучит громче, чем хочется.

Тимур нажал на кнопку вызова лифта.

Лифт отозвался сразу.

Он стоял на их этаже — кто-то недавно приехал, наверное. Двери открылись с привычным сухим щелчком, и на Тимура пахнуло знакомым: металлом, маслом, едва заметно — сигаретой.

Он вошёл.

Лифт был старый. Кабина обита коричневым пластиком, исцарапанным до белизны: чьи-то инициалы, какая-то надпись маркером «ВНС», сердечко, в которое кто-то вписал «Маша +?». Половицу обозначал металлический бортик, давно потёртый. На потолке — единственная лампочка под жёлтым плафоном, чуть жужжала.

Тимур нажал четыре.

Двери закрылись.

Лифт поехал.

Сначала всё было как всегда.

Тимур стоял, прислонившись спиной к стене. Смотрел на лампочку. Считал про себя — не специально, просто привычка, которую он выработал после того, как где-то прочёл, что так делают разведчики: *один-два-три-четыре...* На счёт «семь» обычно лифт уже останавливался.

Семь.

Восемь.

Девять.

Лифт ехал.

Тимур моргнул.

Десять.

Он посмотрел на кнопки. Кнопка «4» была подсвечена красным. Он не ошибся. Он точно нажал четвёртый.

Одиннадцать.

Двенадцать.

Лампочка на потолке мигнула — один раз, коротко.

Лифт ехал.

Не дёргался. Не тормозил. Просто ехал — ровно, спокойно, как будто это нормально, как будто всегда так ехал.

Тимур почувствовал, как у него вспыхнули щёки. И тут же — холодно, тонко, где-то под рёбрами.

Это просто долго,— подумал он. *— Это просто лифт долго едет. Бывает.*

Лампочка снова мигнула.

И — щёлк.

Лифт остановился.

Двери открылись.

Тимур шагнул не сразу.

Он смотрел.

Свет.

На лестничной площадке — свет.

На *его* площадке. На четвёртом этаже. Там, где лампочки не было уже полгода.

Свет был жёлтый, мягкий, ровный — как будто кто-то только что вкрутил новую лампочку, и она работала. Не мигала. Не тускнела. Просто светила.

Тимур стоял в лифте. Выглянул.

Он смотрел на площадку — свою, родную, знакомую до каждой трещины на стене. Осторожно вышел в тамбур и посмотрел на номера квартир: 14, 15, 16, 17. На дверь шестнадцатой — его. Без обивки, синяя деревянная дверь с глазком и с маленькой щёлкой между косяком и стеной, которую отец всё собирался зашпаклевать.

Всё было правильное.

И всё было — не его.

Он не знал, как это объяснить. Просто — не его.

Площадка была чуть-чуть шире, чем должна. Или чуть-чуть ниже потолок. Или чуть-чуть другой запах — не табак, не пыль, а что-то ещё, едва уловимое, как будто только что

прошёл человек, незнакомый, и оставил после себя след.

Двери лифта стояли открытые.

Они не закрывались, как обычно — через три секунды, со щелчком. Они стояли.

Ждали.

Тимур сделал шаг назад. Один. Потом ещё.

И тут — мягко, без щелчка, без звука — двери начали закрываться.

Он успел зажать кнопку «Стоп».

Двери замерли наполовину.

Тимур стоял в лифте, держа палец на кнопке, и смотрел на свой этаж — освещённый, неправильный, ждущий.

И тогда он услышал.

Звук дверного замка. Знакомого замка. *Его* замка.

Замок открывали — медленно, как будто изнутри.

Скрип знакомой двери. И — голос.

Голос старшего брата.

Глухой, как из-под воды:

— *Тима? Ты пришёл?*

Тимур не двинулся.

Это не мог быть брат.

— *Тима, братишка, заходи. Бабушка блинов напекла...*

Голос звучал правильно. И неправильно. Это был брат. И это был не брат.

Тимур отпустил «Стоп» и стал быстро, быстро нажимать на кнопку какого-то этажа. Любого. Лишь бы не этот.

Двери начали закрываться.

— *Тима?*

Двери закрылись. Лифт пошёл, кажется, вверх.

А голос — остался где-то внизу.

Глава 2

Куда ходит Юрка

I

Лифт не слушался.

Тимур слышал, как с той стороны, с неправильной площадки, медленно, тихо щёлкнул замок — как будто кто-то осторожно закрыли дверь обратно.

Лифт пошёл.

Не вверх. Вниз.

Тимур смотрел на табло. Загорелось — один.

Лампочка под жёлтым плафоном жужжала громче, чем должна. Тимур стоял, прижавшись спиной к стене, и считал. Один-два-три. На счёт «четыре» обычно проезжали этаж. На счёт «семь» — нижний.

Он досчитал до двенадцати.

Лифт ехал.

И тогда, впервые за весь этот вечер, его затрясло. Просто потому, что устал. Потому что был один. Потому что ему было тринадцать лет, и он не знал, на каком этаже сейчас его собственная квартира. Слезы покатались сами собой.

Лифт остановился.

Двери открылись.

Это был первый этаж. Обычный, его, родной первый этаж. Дверь подъезда — деревянная, с пружиной, которая зимой замерзала. Почтовые ящики — синие, металлические, с криво прорезанными номерами. Грязная половая тряпка у вхо-

да. Лампочка тусклая, но *тусклая правильно* — такая, какая она и должна быть в их подъезде.

Тимур не успел даже подумать о том, чтобы выйти. Потому что в лифт уже заходил человек.

Сэнсэй.

Так его называли все. Имени никто во дворе не знал — может, и было, кличка съела имя много лет назад. Раньше он был тренером каратэ или тэквандо — вроде даже настоящий чёрный пояс был, кимоно с нашивками, спортзал в подвале школы № 7. Тимуру это рассказывал Руслан — старший брат, который ходил к нему заниматься. До того, как уехал.

Сэнсэй был невысокий, жилистый, в спортивных штанах и в спортивной футболке «Динамо». Под глазом у него был старый шрам. В одной руке он держал авоську с двумя какими-то бутылками и сухарями. В другой — связку ключей.

— О, привет, — сказал он, уже в лифте. — Ты чей будешь?

От него пахло потом и, как ни странно, не было запаха водки. Тимур моргнул. Слезы он уже вытер, но Сэнсэй, кажется, ничего и не заметил.

— Я... Руслана Юсупова брат. Тимур.

Сэнсэй остановился. Посмотрел внимательно. Глаза у него были спокойные.

— А, Русика. — Он чуть кивнул, как будто что-то про себя подтвердил. — Помню, помню. Он же в Ленинград уехал, да?

— В Москву.

— А, в Москву. Звонит?

— Иногда.

— Ну ладно. — Сэнсэй нажал четыре. Тимур внутренне его поблагодарил.

Двери закрылись.

И вот тогда Тимур почувствовал. Лифт стал — *лифтом*. Просто кабина с двумя людьми. Лампочка перестала жужжать так громко. Воздух стал обычный — металл, пыль, Сэнсэй, бутылки в авоське. Никакого *того* запаха, которым пахло на чужой площадке.

Лифт поехал.

Один-два-три-четыре.

На «четыре» он остановился.

Двери открылись.

Площадка — его. Тёмная, без лампочки, как и было весь этот год. Знакомая трещина на стене у двери шестнадцатой. Запах жареного лука из пятнадцатой квартиры. *Его* запах. *Его* темнота. Сэнсэй вышел первый, Тима за ним.

Он шёл к двери четырнадцатой — там жил дядя Толя, известный всему двору алкаш, как говорили взрослые, у которого в молодости тоже был какой-то пояс. — Ну, бывай, — сказал Сэнсэй. — Брату привет передавай, когда позвонит.

— Передам.

— Скажи — Сэнсэй спрашивал, как дела. — Он улыбнулся, как будто что-то знал.

Сэнсэй позвонил в четырнадцатую. Открыли сразу. Тимур слышал, как они здоровались — два мужских голоса, негромко, привычно, — и как захлопнулась дверь.

Он стоял на своей площадке, в темноте, и не двигался.

Потом подошёл к своей двери. Достал ключ. Ключ вошёл правильно. Замок щёлкнул нормально. Дверь открылась как обычно.

Мама была в коридоре.

— Тима? Чего так поздно?

— Я... с пацанами.

— Голодный?

— Нет.

— Как нет? Где ты поел?

— Мам, у Андрея покушали.

— У тебя дома что ли нет своего.

Но Тимур уже прошёл в свою комнату и закрыл дверь.

Сел на кровать.

И только тогда — медленно, понимая, что никто не видит, — снял очки и заплакал по-настоящему.

Не от страха. И не от того, что лифт делал что-то непонятное.

А от того, что Сэнсэй сказал: *«Скажи — Сэнсэй спрашивал, как дела.»*

Как будто Руслан — где-то рядом и всегда на связи. Как будто ему можно позвонить и сказать это в любой момент. А Тимур знал, что Руслан звонит раз в три-четыре месяца,

и в последний раз звонил в апреле, и говорил с мамой, и не просил позвать Тимура.

Руслан жил в Москве уже два года.

И Тимур почти не помнил, как звучит его голос.

II

Утром следующего дня Виталик не вышел.

Мама всё-таки увидела бинт.

Андрей узнал об этом от тёти Лены лично, когда зашёл за Виталиком. Тётя Лена встретила его в дверях. Лицо у неё было такое, что Андрей сразу понял — спрашивать не надо.

— Виталик дома сегодня, Андрюш.

— А он...

— Дома сегодня, я сказала.

Из глубины квартиры донёсся голос Виталика:

— Мам, ну блин!

— Я сказала — дома! — крикнула тётя Лена, не оборачиваясь. И уже Андрею, тише: — Ты понимаешь? Стеклом он, видите ли, играл. *Стеклом*. Я что, идиотка?

— Тётъ Лен, я...

— Иди гуляй, Андрюш. Виталик завтра выйдет. Может быть.

Дверь закрылась.

Андрей постоял на лестничной площадке. Сверху, со своего, доносился запах борща — классика. Снизу, с шестого, — кто-то слушал радио. Где-то ещё ниже хлопнула дверь.

Он спустился к Тимуру.

Дверь открыла бабушка. Маленькая, в халате, с белыми редкими волосами.

— Тимурик ещё спит, — сказала она шёпотом, как будто разглашала тайну. — Поздно лёг. Ты приходи попозже, Андрюшенька, ладно?

— Ладно.

— А Тимур здоров?

— Здоров, здоров. Просто устал.

Андрей вышел во двор один.

Двор был такой же, как всегда — гаражи, песочница, турник, и за пустырём — жёлтый дом с лётной школой за ним. Все на месте. Только пусто. Старшаки ещё не выползли. Малышня была на даче. Виталик — заперт. Тимур — спит. Юрка — у него же *своя жизнь*, его искать бесполезно.

Андрей походил по двору. Подошёл к столбу. К *тому* столбу, на котором вчера было кольцо. Ничего. Серый металл, заваренная пластина сверху.

Он постоял еще минуту, пощупал фишки в кармане, пнул камень и пошёл домой.

III

Юрка проснулся в десять.

Жил он в основном с бабушкой — мать работала сменами на хлебозаводе, и Юрка её видел два-три раза в неделю. Отца не было давно. О нём Юрка не говорил никогда. На вопрос «а папа где?» однажды в третьем классе он ответил: «А у тебя где?» — и больше никто не спрашивал.

Бабушка была глухая на одно ухо и хорошая. Юрка её любил. Она готовила ему манную кашу, которую он терпеть не мог, но ел — потому что бабушке нравилось смотреть, как он ест.

— Юрашка, поел?

— Поел, ба.

— Гулять?

— Гулять.

— До сколько?

— До сколько получится.

— Юр.

— Чего.

— Ты только не...

Она недоговорила. Она всегда недоговаривала. *Не подходи к старшим ребятам. Не лезь, куда не зовут. Не оставайся в подвалах.* Юрка знал список наизусть. И каждый раз, выходя из дома, делал ровно то, чего бабушка не договаривала. А ещё бабушка чувствовала перед ним вину — и, когда могла, совала с пенсии больше, чем надо. Вину за то, что приходилось брать внука с собой продавать пирожки по ларькам: сумка ей одной была тяжела и видела она плохо, а просить было больше некого. Юрка не возражал и не говорил ни слова против. Но бабушка всё понимала. Что Юрку могут увидеть соседские пацаны, а хуже того — девчонки. Что пацанёнку двенадцати лет не место с бабкой у ларьков. Бабушка вздохнула, чиркнула спичкой и включила газовую конфорку.

Юрка вышел на улицу.

День был серый — небо затянуло, и от этого двор выглядел тише обычного. Юрка прошёл через арку. Его дом стоял отдельно от пацанов — между ними был проспект, ещё аптека и поликлиника. Чтобы попасть к ребятам, надо было пройти всё это насквозь. А чтобы попасть *туда*, куда Юрка собирался, — надо было свернуть налево, обойти дом и спуститься.

Подвальная дверь была железная, крашеная зелёным, с большой надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД» — кто-то стёр последнее слово ещё давно. Замок был навесной, но не закрытый. Старшаки просто навешивали его, чтобы со стороны казалось, что закрыто. Юрка знал.

Он снял замок. Толкнул дверь. Спустился.

В подвале пахло сыростью, кошками и куравом.

И это был *его* запах. Юрке нравился этот запах. От этого запаха он был — взрослый.

IV

В подвале сидели четверо.

Юрка их всех знал.

Клим — старше всех, года двадцать два, с татуировкой «СЕВЕР» на руке. Сидел на матрасе у стены, тасовал карты. Не учился, не работал, кем был — никто толком не знал.

Шаня — лет восемнадцати, с пробивающимися усами, в спортивных штанах «Адидас» с тремя полосками. Сидел на ящике из-под помидоров. Курил.

Кирпич или просто Киря — здоровый, лет шестнадцать, туповатый и добрый. Юрка к нему относился хорошо. Когда-то один старший пацан с другого района отнял у Юрки фишки, и Кирпич молча сходил и вернул их. Без объяснений. Может, между делом, конечно. Но всё равно. Юрке было приятно.

И ещё Кот — маленький, юркий, тоже шестнадцать, с быстрыми глазами и привычкой облизывать губы. Кот был с *понятиями* — то есть знал жаргон, знал, как себя вести. Юрка ему завидовал.

В углу стоял кассетник. Играл «Сектор Газа». Тихо. Юрка помнил, как его принёс Клим и сказал, что скоро притащит телек с видаком. Он знает, где взять.

Лампочка свисала на проводе с потолка. Голая, без плафона. Свет был жёлтый, ровный, и от него по стенам ходили длинные тени.

— О, Юрчик пришёл, — сказал Кот, увидев его. — Здорово, малой.

— Здорово.

Юрка протянул руку. Все по очереди пожали. Это было важно. Это и было то, ради чего он сюда приходил, — что ему *жмут руку*. Не треплют по голове, не дают подзатыльник, не говорят «иди отсюда, мелкий». А жмут. Как пацану. Как своему.

Он сел на свободный ящик.

— Чё нового? — спросил Шаня.

— Да Шмыга вчера моего корефана порезал, — сказал Юрка. И тут же пожалел, что сказал. Это надо было выдать как-то по-другому. Не сразу. Не так быстро.

Но было поздно.

Клим поднял голову.

— Шмыга?

— Ну.

— Сильно порезал?

— Не. Плечо. Виталю Саня забинтовал.

— Санчес? — Клим чуть приподнял брови.

— Ну.

— А-а. — Клим снова опустил голову и продолжил заниматься картами.

— Шмыга дурак. Я ему сказал — кто шкварится, тот сам шкварь, — добавил Кот. Юрка не понял, что это значит, но переспрашивать не стал. Не принято было.

— А ты ему когда сказал? — спросил Клим.

— На той неделе.

— И чё?

— А чё, Шмыга же. — Кот пожал плечами, и старшаки чуть улыбнулись. Юрка поспешил повторить улыбку.

Разговор затих. Юрка сидел и не знал, говорить ему ещё или молчать. Молчание было правильнее. Молчание было *по-взрослому*.

— Юрчик, — сказал Клим, не поднимая головы. — Сгоняй за куревом.

— Куда?

— Куда, куда. К Алику на остановку. *Самэц* возьми пачку.

Скажи — Клим просил.

Юрка уже знал, что Самэц — это марка сигарет Кэмэл. Он даже пробовал и не раз.

— Денег дашь?

— Скажи — Клим просил.

— Ладно, я щас.

Юрка встал и пошел к двери.

И в этот момент — он сам не понял, почему обернулся, — обернулся и посмотрел на пустое место около Клим.

V

На улице всё ещё было серо.

Юрка дошёл до ларька. Алика сегодня не было. Алика Юрка знал — он у них с бабушкой всегда покупал много пирожков и от сдачи всегда отказывался. В этот раз была другая, незнакомая женщина в синем халате. Юрка постоял немного, не зная, как быть. Сказал:

— Клим просил пачку Кэмэл.

Женщина даже не подняла глаз.

— Двенадцать тысяч.

— У меня нет.

— Тогда иди.

— Он сказал — вы знаете.

— Я никого не знаю.

Юрка постоял ещё.

— Слушай, малой, — сказала она наконец, не глядя. — Если тебя послали без денег, то тебя послали. Иди разбирайся.

Юрка пошёл обратно.

Без сигарет.

Он шёл и думал: сейчас Клим будет ругаться. Или хуже — *смеяться*. Поднимет на смех при всех. А может, и не поднимет — может, просто скажет «ну ладно» и заберёт у него ключи, которыми Юрка гордился (Клим в прошлом месяце дал ему свои запасные от подвала).

Он подошёл к двери.

И остановился.

Дверь была не та.

То есть — *та*. Та же зелёная краска. Та же надпись «ПО-СТОРОННИМ ВХОД» с потёртым последним словом. Тот же замок на петле, не навешенный.

Но что-то было не так.

Юрка смотрел и не мог понять что.

Он стоял перед дверью полминуты. Может, минуту. И только потом сообразил.

Цифры.

На двери, ниже, чёрным маркером был написан номер — «1-А». Юрка знал этот номер всю жизнь. Это был номер их подъездной подвальной двери, по которому сантехники искали трубы.

А сейчас на двери было написано — «1-Б».

Не «1-А». «1-Б».

Юрка моргнул несколько раз. Посмотрел снова.

«1-Б».

Может, переписали? — подумал он. *Может, ЖЭК поменял?*

Но он только вот заходил сюда. Было «1-А». Вроде.

Юрка постоял ещё. И толкнул дверь.

Спустился вниз.

VI

В подвале никого не было. Кассетник не играл. Лампочка светила. Клим, Шаня, Киря, Кот — никого. Так показалось сначала. А потом Юрка увидел парня. Он сидел на том же матрасе, где до этого был Клим.

— Здравствуй, Юра, — сказал парень.

Не «здорово». Не «о, малой». А — *здравствуй*. И — *Юра*.

Никто в подвале не называл Юрку — Юрой. Никто.

— Привет.

— Меня зовут Тиша.

Тиша поднял глаза. И улыбнулся. Улыбка была *правильная*. Не пацанская — слишком ровная. У старшаков улыбки кривые, с прищуром, с подколом, настороженные. А у Тиши улыбка была — как у учителя, который тебе кивает на любимом уроке.

Юрка застыл в немом вопросе.

— Они ушли, — сказал Тиша. — Сказали — попозже зайдут.

— А куда они...

— Не сказали. Садись, Юра.

Юрка сел.

Не там, где сидел в прошлый раз — Тиша указал ему на матрас рядом с собой. Юрка послушно сел туда. Матрас был чистый. *Слишком* чистый — Юрка только сейчас заметил, что в подвале вообще не пахло сыростью. И кошками не пахло. И сигаретами не пахло.

Пахло — ничем.

— Я без сигарет, — сказал Юрка.

— Ничего страшного. — Тиша улыбнулся. — Они вернутся, разберутся сами.

Юрка кивнул.

И вдруг почувствовал — ему *хорошо*. Странно хорошо. Как будто кто-то снял с плеч груз, о котором он не знал.

Тиша сидел рядом — не близко, на полметра. Не подсаживался, не давил. Просто сидел.

— Ты в каком классе?

— В шестой перехожу.

— Учишься как?

— Нормально. На четвёрки, троек немного.

— Английский знаешь?

— Не. Тимур у нас английский знает. Друг.

— Тимур, — повторил Тиша. — Тимур Юсупов?

Юрка кивнул.

— Хорошие у тебя друзья, Юра.

— Виталик ещё. И Андрей.

— Виталий. Андрей. — Тиша произносил имена очень чётко.

— А ты у них самый младший?

— На полгода. Но я не...

— Не самый младший. Я понимаю.

И опять — Юрке стало хорошо. *Понимает*. Никто из старшаков никогда не *понимал*. Они либо прикалывались, либо откровенно издевались. А Тиша — *понимал*.

Юрка вдруг заговорил. Сам не зная почему. Взял и заговорил.

Он рассказал, как Шмыга порезал Виталика. Как ему было стыдно, что он не вступился за друга, а испугался, когда увидел нож. Как он стоял и не мог двинуться с места.

Тиша слушал. Не перебивал. Не кивал лишний раз. Просто слушал.

И Юрка говорил.

Он рассказал про отца, которого он не помнил. Про мать, которая работает сменами. И даже про то, как ходит с бабушкой продавать пирожки и боится, что его увидят другие ребята и будут смеяться.

Он не рассказывал это никому. Никогда.

— Ты молодец, Юра, — сказал Тиша, когда Юрка замолчал. — Ты взрослый.

— Не взрослый я.

— Взрослый. Ты просто пока не знаешь.

Юрка посмотрел на него.

— Тиша.

— Да.

— А ты откуда?

Пауза. Очень короткая. Меньше секунды.

— Издалека, Юра.

— А где живёшь?

— Тут. Рядом.

— На районе?

— На районе.

— А чё я тебя раньше не видел?

Тиша улыбнулся.

— Я тут давно, Юра. — И, прежде чем Юрка успел еще спросить: — Просто ты меня не замечал.

И тогда Юрка *что-то почувствовал*.

Какой-то холодок — не в груди, не в животе. Где-то в затылке. Как будто кто-то стоял у него за спиной — в полуметре, не дыша.

Он обернулся.

Никого не было.

Только стена. Серая. И на ней — старая, выцветшая надпись маркером: «ДМБ-95».

Юрка повернулся обратно.

Тиша улыбался.

— Засиделся ты тут, Юра. Иди наверх. Подыши.

Юрка встал.

— Тиш, а ты...

— Я тут посижу. Иди.

Юрка пошёл к двери.

И уже у самого выхода — обернулся.

Тиша смотрел на него и улыбался.

Только теперь Юрка понял — почему улыбка была *неправильная*. Не потому, что слишком ровная. А потому что — *глаза не улыбались*. Лицо улыбалось, а глаза смотрели спокойно и пусто. Как два мокрых камня.

Юрка быстро пошёл наверх.

И тут же постарался об этом забыть.

VII

День тянулся как тесто.

Когда Юрка вышел из подвала, солнце уже выглянуло — серое утро стало просто пасмурным днём. Он постоял на скамейке у подъезда. Походил по двору. Сходил домой пообедать. Бабушка спросила, где он был — Юрка сказал «гулял». Бабушка кивнула.

Внутри у него было странно.

С одной стороны — тепло. От разговора с Тишей. От того, что *понимали*. От того, что назвали *взрослым*.

С другой — какой-то тонкий, как леска, неприятный холодок. Который проходил через всё это тепло насквозь.

Юрка решил — не думать. Если не думать, оно само пройдёт и засел за Денди.

На улицу он вышел ближе к вечеру и пошёл во двор к ре-

бяткам.

Во дворе Виталик висел на турнике. Один. В кофте с длинным рукавом, хотя было тепло. Подтягивался.

Юрка подошёл.

— Виталь!

— О. Юр. Здорово. — Виталик прыгнул и протянул руку.

— Тебе не жарко? — спросил Юра, обратив внимание на кофту не по погоде.

— Да, это, короче... Мама увидела вчера, сказала надень с длинным рукавом, а то люди заметят, скажут с уголовниками связался. Хотела даже в милицию пойти. Я еле отмазался.

— Жесть!

— Ага, дома закрыла вообще. Да я на полчаса. Сказал — форму не терять, соревнования через две недели же. Отпустили только до девяти.

— Андрюхе позвонил?

— Уже идёт. И за Тимой зайдёт.

Они стояли у турника. Виталик подтянулся ещё пять раз, морщась от плеча, но стараясь не показывать это. В перерыве между упражнениями Виталик спросил:

— Юрчик, а ты где был?

— Да, гулял.

— Ясно, — и Виталик пошёл на новый заход подтягиваний.

Юрка внимательно посмотрел на Виталика.

И в первый раз за всю их дружбу — Юрке *очень захоте-*

лось рассказать.

Не про подвал со старшаками — об этом он бы и так когда-нибудь рассказал, сюрпризом. А про Тишу. Про то, что что-то не так. Про того, кто будто стоит за спиной. Про «1-Б» вместо «1-А». Про глаза, как мокрые камни.

Но Юрка сказал другое.

— Тут одно место есть. Сюрприз. — Он улыбнулся, и улыбка получилась почти как у Тиши — *губами*. — Я вам показать хочу.

— Чё за место?

— Ну там одно.

— Свалка что ли?

— Да, не. Ща, пацаны придут и покажу.

— Ну ладно.

Подошли Андрей и Тимур.

Андрей был обычный. А Тимур — какой-то тихий. Очки запотели чуть-чуть, и он их протирал краем футболки. Поздоровались, обнялись, всё, как всегда. Виталик вернулся на турник и начал пробовать делать выход силы. Юрке показалось, что Тимур на него смотрит как-то *внимательнее*, чем обычно.

— Хочу вам одно место показать, пацаны. Погнали?

— Куда?

— Увидите.

Виталик слез с турника.

— Айда, что ли. Мне домой через полчаса.

И они пошли.

VIII

Юрка вёл их через арку. Через двор. Мимо аптеки. К торцу своего дома, где стояла зелёная дверь.

— Это что? — спросил Андрей.

— Подвал. Тут старшаки сидят. У них — типа каморка.

— Юр, нам туда нельзя, — сказал Тимур.

— Сейчас их нет. Я знаю. Утром были, а сейчас разошлись. Я просто покажу. Мы быстро.

Они подошли к двери.

Юрка посмотрел на маркерную надпись сбоку.

«1-А».

Юрка моргнул. Посмотрел снова.

«1-А».

Утром было «1-А». В обед — «1-Б». Сейчас — снова «1-А».

— Юр, ты чего? — спросил Виталик.

— Ничего.

Юрка снял замок. Толкнул дверь.

Они спустились.

IX

Подвал был — *тот же*.

И — *не тот*.

Лампочка висела на проводе. Жёлтая, ровная. Матрасы стояли на тех же местах. Кассетник — на ящике у стены. Стены были такие же — серые, с надписью «ДМБ-95» и ещё

парой каких-то.

И никого.

— Видишь, никого, — сказал Юрка. И сам услышал, как у него дрогнул голос.

Андрей зашёл в комнату. Осмотрелся. Тимур остался у двери — он туда не входил, просто заглядывал.

— Прикольно, — сказал Андрей. — А на ящике это что?

На ящике лежал комикс.

Тонкий, на скрепках, цветной. Юрка к нему подошёл первый.

Комикс был — «*Робокоп против Рэмбо*». Это были два любимых Юркиных героя.

Юрка остолбенел.

— Это... — он повернулся к ребятам. — Это же тот, про который я рассказывал! Помните? Я говорил — есть такой! А вы мне — гонишь!

— Покаж, чё там, — медленно сказал Андрей.

— Я ж говорил! Видите!

Юрка взял комикс в руки. Полистал. Картинки были яркие — Робокоп с пистолетом, Рэмбо с автоматом, какие-то монстры на заднем плане. Текст на русском.

— Это откуда?

— Не знаю. Старшаки, наверное, принесли. Они всё откуда-то таскают.

Виталик подошёл, посмотрел.

— Клёвый комикс. Дашь почитать?

— Ага, я сам ещё почитаю. Завтра тебе дам.

— А старшаки разрешат? — Виталик вспомнил владельцев.

— Ага, Клим мне разрешает.

Юрка крепче сжал комикс. Он специально не отдавал его в другие руки. Как будто боялся, что, если выпустит — комикс пропадёт.

— Нифига себе! — сказал Тимур. Тихо, от двери.

Все обернулись.

Тимур смотрел в угол.

В углу на пустой бобине стоял телевизор с видеомагнитофоном.

Юрка моргнул.

— Видак с телеком. Клим притащил.

— А кассеты есть? — спросил Виталик.

— Да, я даже... — Юрка не успел договорить.

— Офигеть! — Андрей нашёл стопку видеокассет. — Пацаны, зырьте, чё тут есть!

Все поспешили к Андрею. Он перебирал стопку кассет на столе. Надписи были не на русском языке.

— Это чё, американские? — спросил Виталя. — Тима, переведи, что тут написано.

Тимур взял одну из кассет, затем другую и внимательно осмотрел.

— Это не английский язык, — Тимур наморщил лоб.

— Ой, да ладно тебе, так и скажи не знаешь, — сказал

Андрей.

— Пацаны! Позырьте! — В руках у Юрки была кассета, где на русском языке было написано: Мортал Комбат 3. Боевик.

— Офигеть! — только и смог сказать Виталик.

— Давай врубим, — добавил Андрей.

— Да, врубай! Ты знаешь как? — спросил Виталик.

— Пацаны, может, не надо лучше. Старшаки могут вернуться, — попробовал возразить Тимур с опаской, но его, даже не услышали.

Юрка уже суетился у видеомангнитофона. Кассета вошла в паз, и на телевизоре появилось изображение. Ребята замерли. На экране разворачивалась какая-то драка.

— Пацаны, это чё, Скорпион?

— Сам ты Скорпион, это вообще Китана.

Картинка была мутной и подрагивала.

— Блин, надо настроить, — сказал Андрей. — Ща поищу, я в нашем телеке с папой разбирался.

Андрей обошёл бобину и через секунду сказал:

— Это, пацаны, тут...

— Чё? — Юрка подошёл ближе.

— Тут проводов нет, — ответил Андрей.

— Дай посмотреть, — теперь уже Тимур заинтересовался.

Следом подошёл Виталик. — Они что, не подключены?

— Подключены, наверное, — сказал Тимур с сомнением в голосе.

Юрка наклонился посмотреть на провода.

Никаких проводов не было.

То есть — *вообще никаких*. Ни от телевизора в розетку. Ни от видака к телевизору. Даже антенный пустой. Сзади у телевизора просто торчал штырь, но он никуда не вёл.

— Тим.

— Чего.

— Тут проводов нет.

— Да я вижу.

Все четверо стояли над телевизором.

На экране шёл фильм. Никаких проводов, но картинка *была*.

— Глюк, — тихо сказал Тимур. Он всегда успокаивался, когда у непонятного появлялось название. — Как в игре, когда виснет. Только по-настоящему.

И вдруг Тимур схватил Юрку за рукав.

— Юр, идём.

— Чё ты.

— Пошли, блин.

И тут — Андрей это заметил, и Виталик, и Юрка заметил, — на матрасе в дальнем углу появился человек.

Не вошёл. Не сел. Просто — *был*.

Он сидел там, в тени, в синей рубашке, застёгнутой на все пуговицы. Очень прямо. С чуть склонённой головой. И — улыбался.

Юрка узнал его сразу.

— Тиша, — сказал он шёпотом.

— Здравствуйте, ребята, — сказал Тиша. Спокойно. — Юра, ты привёл друзей. Молодец.

Тимур дёрнул Юрку за руку.

— *Бежим.*

Они побежали.

Лестница наверх была короткая — пять ступенек. Виталик бежал первый, Тимур — за ним, потом Андрей. Юрка — последним.

Уже у выхода Юрка обернулся.

Тиша сидел и улыбался.

И — Юрка увидел это очень отчётливо — *за спиной у Тиши, в стене, не было кирпичей.* Стена просто переходила куда-то ещё. В темноту. В коридор. В что-то такое, чего там быть не должно.

Юрка вырвался наверх. Захлопнул дверь.

Они побежали через двор. Бежали без оглядки, через арку, к дороге, ближе к фонарям. И на улице, у аптеки, столкнулись с Сэнсэем. Лицо у него было спокойное. Увидел их — белых, тяжело дышащих, без воздуха — и только сказал:

— Физкульт привет, детвора! Вечерняя пробежка. Одобряю. Укрепляет организм.

— Там это... — заговорил как мог сквозь одышку Тимур, — там в подвале...

За годы работы с детьми Сэнсэй многое понимал. В том числе, что так не бегают от злых старшаков или даже мили-

ции. Ещё он понимал, что в такие моменты ни в коем случае нельзя давить на ребёнка. Он сам всё расскажет.

— Крыса что ли? — сказал Сэнсэй.

Ребята только тяжело дышали. Никто не решался.

— Ладно, — сказал Сэнсэй. — Вы по домам же? Мне к Анатолию Евгеньевичу надо зайти. — Сэнсэй подмигнул Тимуру. — Ладно, шагом марш, пацаны, — скомандовал Сэнсэй. Ребята не спорили. Они пошли. Сэнсэй впереди, ребята — за ним. Он шёл медленно, в обычном своём темпе, и от этого темпа всем стало легче дышать. Так и дошли до двора. Сэнсэй неожиданно остановился.

Ребята встали за ним.

— Ну-ка домой, — сказал Сэнсэй, не оборачиваясь. — Ребят, бегом, — спокойно добавил.

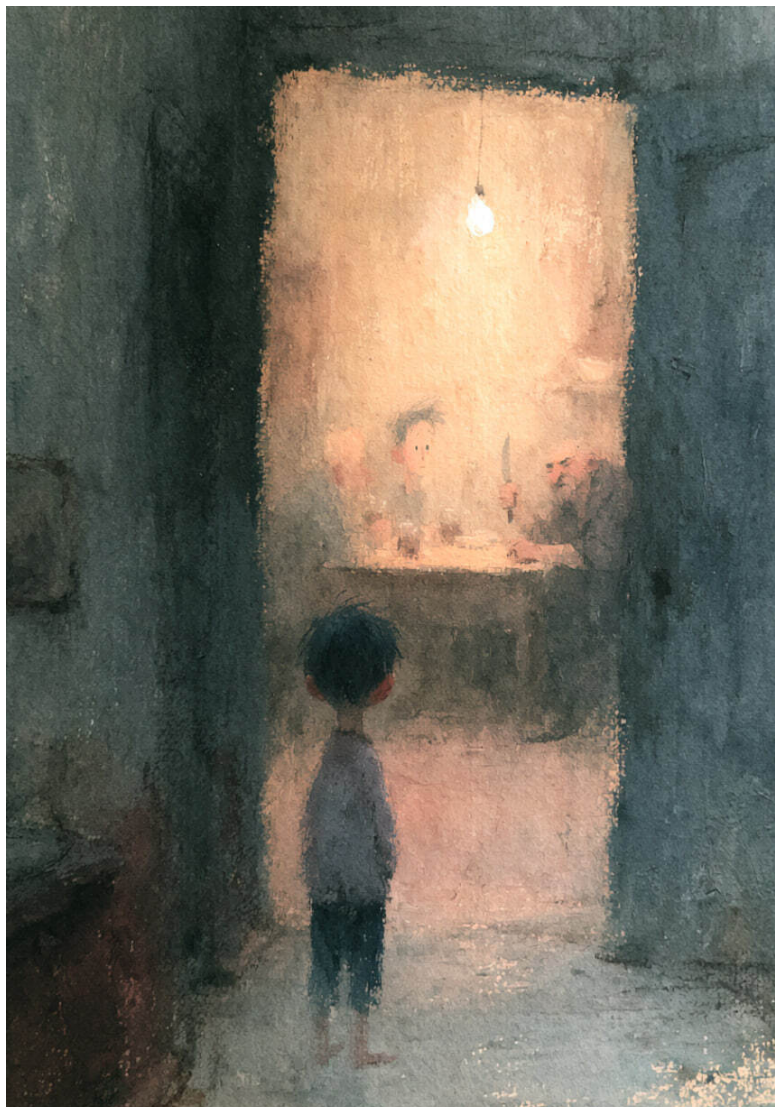
Никто не побежал. Тимур только чуть отступил.

Сэнсэй обернулся.

Посмотрел на них и не стал спорить

Глава 3

План Шмыги

I

Шмыга сидел на лавочке за гаражами и ковырял ногти ножом.

Нож был тот же — бабочка, чёрная рукоять, лезвие чуть с зазубриной у самого основания. Он его не складывал. Лезвие лежало вдоль большого пальца, и Шмыга срезал им из-под ногтя грязь. Потом стряхивал. Потом снова.

Этот жест он делал не специально. Он делал его не для красоты и не «перед пацанами». Он делал его как другие гладят кота. Это успокаивало.

Этот жест он перенял в один вечер. Пять лет назад. Когда ему было одиннадцать.

Тёмная кухня. Лампочка под жёлтым плафоном. На клеёнке — крошки от хлеба. Отец на стуле. Двое в кожаных куртках рядом.

Один из них взял со стола кухонный нож. Обыкновенный, для хлеба, с деревянной ручкой. И стал ковырять им под ногтями. Медленно. Спокойно. Будто дома сидел.

«Ну чё, фраер. Чё с тобой делать будем?»

Голос — тихий. Будничный. Будто про погоду.

Маленький Петя стоял в коридоре, в дверях. Никто на него не смотрел. Не прогоняли. Это было хуже всего — что не прогоняли.

«А может, малого порежем. И с бабой твоей развлечём-

ся.»

Второй усмехнулся. Сказал что-то про «приплатить ещё придётся, она у него страшная».

Отец молчал.

Не — не молчал. Что-то бурчал. Что-то неразборчивое. Что-то жалкое. Он сидел на табуретке, чуть боком, и плечи у него были подняты, как у воробья на морозе.

Петя смотрел на это и не мог понять.

Это же папа. Папа, который таскал его на спине. Папа, который чинил велосипед. Папа, который один раз дал лежачему пацану во дворе, когда тот толкнул Петю в лужу.

Это был не папа.

Это был кто-то, кто сидел в папином теле и съёжился.

Бандит с ножом тогда повернулся. Увидел Петю в дверях. Посмотрел на него — долго, безо всякого выражения. И сказал отцу, не отрывая взгляда от мальчика:

«Ну так чё, фраер. По-нормальному решим? Сам чё скажешь?»

Отец ответил. Что-то такое сказал. Решим. Сделаю. Найду.

Бандит кивнул. Положил нож на стол. Спокойно. И они с напарником вышли.

Дверь закрылась. Петя остался стоять в коридоре. Отец сидел на табуретке и плакал.

Петя не подошёл.

Он стоял и смотрел.

И думал — медленно, как думают мальчики в одиннадцать лет, простыми словами:

Этот, с ножом — он сильнее. А папа — слабый и боялся. Я не хочу быть слабым. Не хочу бояться.

Шмыга срезал кусочек грязи из-под ногтя. Страхнул. Посмотрел на двор. Сплюнул.

Двор был как двор. Гаражи, песочница, столб без кольца.

Отец у Шмыги допился до того, что замёрз. Замёрз — буквально. Заснул зимой в сугробе, на голом снегу, в десяти метрах от собственного подъезда. Утром нашли. Шмыге было тринадцать.

Мать не плакала на похоронах. Шмыга тоже не плакал. Они приехали с кладбища, и мать сразу пошла на работу — она тогда уже устроилась в универсам товароведом. Шмыга сел в комнате и стал ковырять ножом ногти. С тех пор так и делал.

Страх.

Вот что Шмыга понял тогда. Страх — это главное, что есть в жизни. Кто умеет страшить — тот живёт. Кто боится — того топчут. Ничего больше. Никакой «справедливости», никакого «по-человечески». Только страх. И его надо уметь делать.

И Шмыга делал.

Он страшил щеглов во дворе, малолеток в школе, даже родную мать.

Не страшал он только старших и Саню.

Саню Шмыга не любил *по-настоящему*. Не той ленивой нелюбовью, какой не любил остальных, а — глубоко. Потому, что Саня его не боялся. Саня вообще ничего не боялся. И при этом — нос не задирает. Жил себе. «*Сега*» у него дома, дзюдо, математика, медали, гордость района. Мать у Сани была директриса универсама — того самого, в котором Шмыгина недавно стала старшим товароведом. Все знали, чей это универсам и с кем лично общается мать Сани. А Шмыгина мать у Саниной была *в подчинении*.

Это было унижительно для Шмыги.

И ещё одно было. Шмыга давно подозревал.

Общак.

Раз в две недели Саня собирал с пацанов района на общак. Пятерка с пацана, десятка с того, кто постарше, у кого есть. Сумма выходила хорошая. Саня сам деньги отвозил старшим — к Ореховским, на кафе. Шмыга один раз попробовал попроситься с ним. Саня отказал. Шмыга обиделся.

А потом Шмыга стал замечать.

Что иногда Саня собирает меньше, чем должен. Что иногда вообще не собирает — с младших, с тех, у кого денег нет. А отвозит он *регулярной ровно*, как часы. Как будто *сам* добывает разницу.

Шмыга сначала не понял зачем. Потом понял.

Саня прикрывал щеглов. Откупался за них собственными деньгами.

Этого было нельзя делать. Это было — против всего, что Шмыга знал про мир. Так не делают. Так делает только слабый. Так делает только тот, кто *боится*.

И тогда Шмыга решил.

Он решил, что Саня — *тоже* как его отец. Просто хорошо прикрывается. И что страх ему придётся показать всё-таки. Через старших.

II

Шмыга встал с лавочки. Сложил нож. Поправил кепку.

Он шёл к кафе пешком. Тридцать минут. Кафе называлось — «*Мальвина*». Одноэтажное с подвалом, с белыми занавесками и вывеской из лампочек, наполовину перегоревших. В кафе было два зала: верхний — для всех и нижний — для своих. Вечером пятницы и субботы из верхнего дедали дискотеку — крутили «*Мираж*», «*Кар-Мэн*» и зарубежную музыку. Туда ходили мажоры и Шмыгины старшие.

У входа на тротуаре стояла машина.

Красная «*девятка*». Не у обочины. На *тротуаре*. Так, что пешеходам приходилось её обходить. Шмыга понимал — это было важно. Это была машина Мотыля. Если она стоит на тротуаре, значит, Мотыль внутри.

Шмыга вытер ладони о штаны. Толкнул дверь.

Внутри пахло жареным луком и сигаретами.

Шмыга прошёл мимо стойки — буфетчица на него даже не посмотрела, — спустился по узкой лестнице вниз. В нижнем зале было полутемно. Занавески на маленьких окнах бы-

ли задёрнуты. На одном из столов стоял телевизор «Sony» — настоящий, большой, фирменный. Под ним — видеомагнитофон. На экране кто-то с автоматом бежал по крыше.

За столом сидели трое.

Бык — здоровый, в майке безрукавке из качалки, с короткой шеей. Грыз семечки и смотрел в телевизор.

Чепал — с большой головой, худой, с татуировкой-перстнем на безымянном пальце. Смеялся над фильмом, что-то комментировал.

И — третий.

Мотыль.

Положенец района. Даже обычный, аккуратный, в простой рубашке без рисунка. Лицо узкое, спокойное. Не смотрел в телевизор — читал газету. Он был самый умный и опасный из них.

Шмыга это не просто знал, он буквально чувствовал, кто тут самый старший. Постоял. Сказал:

— Здорово.

— Здорово, — не отрываясь от экрана, сказал Бык.

— Здоров, — сказал Чепал.

Мотыль кивнул. Не глядя.

— Чё, Шмыга, — сказал Бык. — Чё пришёл? Саня где?

— Тут... это...

— Чё мычишь.

— Тут такое дело... с общаком...

Шмыга проглотил. У него во рту вдруг стало сухо. Он ду-

мал, что у него всё готово — как сказать, в каких словах, — а вдруг оказалось, что слова не складываются.

— Короче, Саня, общак не собрал.

Бык повернулся.

— Чё?

— Сказал — не будет.

— Чё *не будет*?

— Ну сказал, что не соберёт.

В нижнем зале стало тихо. Чепал перестал смеяться. На экране кто-то всё ещё бежал по крыше, но звук был выключен, и теперь Шмыга это заметил.

— Ты чё, Шмыга, попутал. Че ты там несёшь? — медленно сказал Бык.

— Да я... я ему сказал. Я ему говорил, что собирать надо. Что отдавать.

Бык начал приподниматься.

— Бык, — Это был Мотыль. Говорил ровно и тихо. — Сядь.

Бык сел.

Мотыль повернул голову. Впервые за всё это время посмотрел на Шмыгу.

Глаза у Мотыля были — обычные. Серые. Не злые. Просто внимательные. От этого стало холоднее.

— Что ты там базаришь за общак, — сказал Мотыль. — Расскажи нормально.

— Ну, Саня сказал — не будет собирать больше. Я... я

хотел сам общак донести, как полагается. Он не отдал и сказал вообще собирать не будет.

Мотыль помолчал. Задал вопрос:

— И какие были твои действия?

Это была фраза, которую Шмыга один раз слышал от старших — про другого, не про себя. Когда так говорили, это значило — *с тебя спрашивают*.

У Шмыги похолодело между лопаток.

— Ну, я ему сказал. Что нужно, ну. Что нельзя так. Ну...

— Гну, — мягко сказал Мотыль. — Я правильно понял. Тебе сказали, что общака не будет. Ты ничего не сделал. И пришёл сюда нам рассказывать.

Шмыга не ответил.

Дома у него лежали деньги. Свои. Почти пятьсот тысяч рублей, копил на кожаную куртку. Он хотел сейчас сказать — *да я пошутил, дома общак, сейчас сбегая*. Петя чуть не сказал.

Не сказал.

Понял, что будет хуже.

— Ты за фраеров нас держишь, — Мотыль сказал это не Шмыге, а как будто куда-то в воздух. — Пацаны, тут такое дело. Нас ни во что не ставят. А мы и не в курсе. Это чей малой вообще?

— Барбоса, — Чепал теперь смотрел на Шмыгу с интересом. — Племяш ему. Шмыгой кличут.

— Барбоса, — повторил Мотыль. — Ну ладно.

Мотыль посмотрел на Шмыгу. Долго. Шмыга смотрел в пол.

— Дорогой Шмыга. — Это была теперь не злость. Это было хуже. Это была *издёвка*. Мотыль развлекался. — А знаешь, что такое общак?

— Это... это помощь там. На зону кому.

— Молодец. Это помощь. Это грёв. Тем, кто чалится за нас с тобой. За тебя и меня. За пацанов. За тех, кто на воле гуляет — вкусно ест, сладко пьёт. Дышит. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Понимаешь? А чё ты тогда молчал, когда тебя как лоха послали?

Шмыга молчал.

— Это нас всех послали. Понимаешь? Не тебя. Нас. Людское задели.

— Саня ещё там... своё добавляет. С щеглов не собирает и своими догоняет. У него матушка богатая, — Шмыга выпалил все предложения как одно.

— Своё добавляет, — растягивая слова, повторил Мотыль. — Матушка богатая.

Мотыль повернулся к Быку.

— Бык, поехали. Чепал, покажешь, где живёт.

— Мля, фильм, — Чепал кивнул на экран.

— Поехали.

Чепал вздохнул. Встал. Бык встал. Все встали.

— Шмыга, — сказал Мотыль, — С нами поедешь.

Шмыга кивнул.

И пошёл со старшими наверх.

III

В машину Шмыгу посадили сзади, рядом с Чепалом. Спереди — Мотыль. За рулём — Бык. Шмыга никогда не понимал, почему тачка Мотыля, а за рулём то Бык, то Чепал.

Девятка пахла бензином и одеколоном — Бык что-то на себя пшикнул перед выходом. Сиденья были обтянуты чёрной кожей, на руле висели голубые фишки от чёток. Из колонок играла музыка — «*Dr. Alban*», песня про стоп холодильник. Бык пытался подпевать тихо — *Имс май лайф... Ооууу...*

Шмыга смотрел в окно.

Он думал, что будет крутая поездка. Что в кафе старшие посмотрят на него уважительно — *молодец, что пришёл*. Скажут: *Саня лажу делает, теперь ты за районом смотришь*. Все увидят. Все запомнят. Шмыга такой едет с Мотылём в одной машине — кто рядом, тот старший теперь.

А получилось — он едет в этой машине, как ссыкло. Как тот, с кого спросили. И вообще непонятно — что будет в конце поездки.

Мотыль обернулся.

Посмотрел на Шмыгу.

И — это было неожиданно — улыбнулся. Тонко.

— Чё, Шмыга. Как тачка?

— Нормально, — Шмыга еле выговорил.

— Чё нормально-то. Ты в нормальных тачках, что ли, ездил?

Чепал коротко гыкнул. Бык хмыкнул. Шмыга попытался улыбнуться. У него не получилось.

— Не ссы, — сказал Мотыль, — Мы просто побазарим с Саньком. Без кипеша.

Шмыга кивнул. Шмыга поверил.

Точнее — *очень захотел* поверить.

К концу дороги он почти уже верил.

IV

Девятка остановилась у Саниного подъезда.

— Шмыга, иди вытяни.

— А чё сказать?

— Скажи — старшие подъехали. Хотят побазарить.

— А чё за старшие?

— Епт, — Мотыль сразу же собрался и мягко продолжил.

— Просто скажи: старшие. Мы чисто побазарим и по тёлкам дальше. Быка вон уже ждут, сам видишь. Давай, братан.

Шмыга вышел. Поднялся на нужный этаж. Позвонил.

Открыл Саня. Босиком, в шортах, в майке. Дома было видно — телевизор работал, что-то про природу. Шмыга мельком увидел в коридоре грамоты на стене.

— Чё? — Саня смотрел на него спокойно. Без неприязни. Просто — *чё*.

— Сань. Там это. Старшие подъехали. С тобой побазарим.

ритель.

Саня посмотрел на Шмыгу и ничего не сказал.

Просто кивнул. Зашёл в квартиру. Через минуту вышел — уже в кроссовках, в футболке.

— Мам, я на минуточку.

— Скоро? — донеслось из глубины.

— Скоро, ма.

Они вышли во двор. У подъезда стояли трое. Бык, прислонившись к машине. Чепал — рядом, и Мотыль. Саня подошёл, первым протянул руку старшим, так было правильно.

— Здорово, пацаны.

Саня обратил внимание, что Шмыга перешёл на невидимую, но понятную всем сторону. На сторону старших. Взгляд сразу в пол, в глаза Сане не смотрел. Повисла тишина. Саня хорошо знал, что такие моменты очень важны в подобных ситуациях. Первым говорить не надо.

— Как сам, Санчело? — начал Мотыль.

— Нормально, Мотыль. — Саня специально назвал его по кличке, а не по имени. В отместку за Санчело.

— Тут такое дело, Санчело. Дошла до нас весточка, что ты общак закрысил, — продолжил Мотыль.

Саня бросил взгляд на Шмыгу. Тот, казалось, сжался так, что уменьшился в размерах.

— Ты мне предъявить хочешь, Мотыль?

— Я интересуюсь у тебя.

— Ты чё так базаришь со старшими, — ворвался Бык.

— Я с одним буду базарить или со всеми вами сразу? — Саня знал, как надо отвечать в такие моменты.

— Надо будет, со всеми нами побазаришь. Куда ты денешься, Саша. — Спокойным тоном и чуть с улыбкой сказал Мотыль. Сделал шаг вперёд и встал ближе. Бык отлип от машины и тоже сделал шаг навстречу Сане, Чепал за ним.

V

Чепал увидел Сэнсэя первым.

Не как угрозу — просто увидел. Невысокий мужик, спортивные штаны, футболка «*Динамо*», авоська. Он уверенно шёл прямо на них.

— Слышь, дед, — сказал Чепал. — Иди куда шёл.

Сэнсэй подошёл ближе. Остановился метрах в двух от Мотыля. Посмотрел на Саню. Саня посмотрел в ответ — и Шмыга, который стоял в стороне, *увидел*, как у Сани в глазах что-то переменялось. Не страх ушёл — страха в глазах у Сани и не было. Что-то другое. Будто плечи разжались.

— Дед, ты чё, глухой, гуляй, — повторил Чепал.

— Я пришёл уже, молодой человек, — сказал Сэнсэй.

Сказал спокойно. Без вызова.

— Дед. — Это уже Мотыль. — Ты, видимо, не понял. Иди отсюда. У нас разговор.

— Понял, — сказал Сэнсэй.

И не пошёл.

— Вы же под Орешком ходите? — спросил он тихо. Тонем, каким спрашивают, какая погода сегодня ожидается. —

Так вот. Передайте ему — Сэнсэй на днях зайдёт к нему сам. Поговорим.

— Какой Орешек, дед, — Чепал ухмыльнулся. — Для тебя Павел Павлович. Ты внатуре больной, что ли?

— Да положить мне, больной он или нет, — сказал Бык. И пошёл на Сэнсэя.

— Давай, братан, делай красиво. — Чепал знал, что сейчас будет.

Он пошёл, как ходят на пацана. Развязно, с расчётом — обманным движением дернуть правой, провести в печень левой и хуком в челюсть добавить. Двоечка. Коронка. Бык так делал двадцать раз. Чепал это видел. Это была отработанная схема.

И Шмыга это видел не раз, оттого и не понял, как.

Бык дёрнул правым плечом, начал движение левой. И — оказался на асфальте. Лицом в пыль.

Сэнсэй не двинулся. То есть — двинулся, но Шмыга не увидел. Просто Бык шёл — а потом Бык был на земле.

Чепал тут же переместился, в одно движение. Пошёл на Сэнсэя сбоку.

Сэнсэй повернулся к нему. Совсем чуть-чуть, корпусом, не деляя шага.

Чепал попытался ударить ногой в пах.

Сэнсэй не блокировал. Сэнсэй сделал шаг *навстречу удару* — Шмыга и этого не понял, — Чепал на секунду оказался очень близко к Сэнсэю, плечом к плечу. И потом Чепал

тоже оказался на земле. Послышалось только протяжное — Мляяя.

Мотыль наблюдал.

Стоял на месте. Не дергался. Не отступал. Не бросался. Просто смотрел — как смотрит человек, который оценивает обстановку.

Мотыль опустил руку в карман. Достал нож.

Не складник — выкидной, узкий, с длинным лезвием. Открыл. Лезвие вышло с тихим щелчком.

И — впервые с того момента, как Сэнсэй подошёл, — Мотыль улыбнулся.

— Дед, — сказал он. — Ты чё такой быстрый?

— Я не быстрый, — сказал Сэнсэй. — Вы медленные.

Мотыль плавно и быстро шагнул вперёд.

Сэнсэй чуть качнулся.

И тут — это случилось так стремительно, что Шмыга снова не понял, — Сэнсэй вдруг оказался очень близко к Мотылю. Слишком близко для ножа. Внутри удара. Мотыль попытался отдёргнуть руку — Сэнсэй её перехватил у запястья. Не выкручивал. Просто держал. И смотрел Мотылю в глаза.

— Это вся ваша честь бандитская? — сказал Сэнсэй. Тихо, в лицо. — На пенсионера с ножом, втроём?

Мотыль попытался ударить свободной рукой. Сэнсэй уклонился — повёл головой на сантиметр, как будто кивнул. И, отпуская руку, коротко повернулся вбок. Мотыля развернуло — и бросило на землю, лицом вперед. Нож выпал. Ле-

жал рядом.

Сэнсэй отбросил его ногой.

— Передай Пал Палычу вашему: Сэнсэй заходил в гости. И на днях к нему загляну.

Мотыль не ответил.

Шмыга прятался за машиной.

Он стоял пригнувшись, никто его не замечал. И через секунду — Шмыга это потом долго не мог себе простить — он развернулся и побежал.

Побежал к гаражам. Через Лётку. За поликлинику. В лесополосу. Куда угодно.

Только бы подальше.

VI

Сэнсэй обернулся к Сане.

— Ты как?

— Нормально.

— Точно?

— Точно, — Саня посмотрел на четырёх ребят, стоящих рядом. И коротко улыбнулся. — С вами подкрепление ещё, — сказал он излишне бодро.

Сэнсэй промолчал. Он всё ещё был сосредоточен.

Бык встал. Тяжело дышал. Не пытался драться. Просто стоял, с ненавистью смотрел на Сэнсэя.

— Пацаны, в тачку сели, — Мотыль тоже поднялся.

Бык начал движение в сторону Сэнсэя.

— Бык, — уже не так как в кафе, а сквозь зубы повторил

Мотыль, — В тачку сел.

Бык сплюнул и пошёл в сторону девятки.

Чепал, постанывая, поплелся. Открыл девятку, сел. Бык за руль. Мотыль сел рядом, на пассажирское. Не оглядывался.

Машина тронулась и с визгом уехала.

На асфальте остались только следы — пыль, в которой лежал Бык, и след от носа Мотыля.

Ребята остались вшестером — Сэнсэй, Саня и пацаны.

Первым заговорил Виталик. Тихо.

— Сэнсэй. Я... я не знал, что вы так умеете.

— Всё нормально.

— А мы бежим, такие... — Юрка нервно засмеялся. — А вы их раз — и всё.

— Юр, — сказал Тимур. — Помолчи.

Юрка замолчал.

Андрей смотрел на Сэнсэя. Не на руки — на лицо. Лицо у Сэнсэя было обычное. Ничего не изменилось. Как будто он только что не уложил троих крепких мордovorотов, а просто прошёл от автобусной остановки.

Андрей перевёл взгляд на Саню и заметил, что у того чуть дрожат руки. Не от страха. От того, что было после страха.

— Сэнсэй, — сказал Саня. — Спасибо.

— Да брось, Саш.

— Нет, правда. Они бы меня... — Саня не договорил. — Спасибо.

Сэнсэй кивнул.

И тогда Саня сказал — уже другим тоном, чуть посветлее, как будто стряхивая с себя то, что только что было:

— А про Орешка вы клёво придумали. С ходу. Я аж сам поверил.

— Что придумал?

— Ну, про Ореха. Что вы к нему зайдёте. Они аж побелели, — Саня усмехнулся. — Грамотно. Кинуть им имя, от которого они присядут. Они ж под Орехом ходят, он для них — всё! А вы такой — передайте Орешку. Гениально.

— О! — Тимур вдруг оживился. Глаза за очками блеснули. — Это как... как отвлекающий манёвр! Назвать самое страшное для них имя, чтоб они растерялись. Вы их же логикой положили, не только руками. Они побоялись и...

— И смотались сразу, — закончил Юрка. — Круто!

Ребята переглядывались. Им стало почти весело — после всего, что было. Это было такое детское облегчение: всё закончилось, все целы, а Сэнсэй вдобавок оказался ещё и хитрым — обманул бандитов, как в кино.

Они уже привыкли за эти дни, что мир полон выдуманного, которое притворяется настоящим. И сейчас им было легко поверить, что Сэнсэй тоже что-то выдумал. Красиво выдумал. Ловко.

Сэнсэй молчал.

Он смотрел не на них. Куда-то поверх их голов, на жёлтый дом, на пустой двор, на что-то, чего там не было.

— Не придумал, — сказал он.

Тихо сказал. Почти себе.

Ребята не сразу поняли.

— Что? — спросил Саня.

— Не придумал, — повторил Сэнсэй. — Орех — мой воспитанник.

Тишина.

— В смысле — ваш? — спросил Андрей.

— В прямом, — Сэнсэй подобрал с земли свою авоську — она упала, когда он перехватывал Мотыля, — отряхнул её. Бутылки внутри звякнули. — Пашка Орехов. Я его тренировал. Много лет назад.

— Тот самый Орех? — Юрка не верил. — Который... ну... главный?

— Тот самый.

Ребята молчали. Это не укладывалось. Орех — это было имя, которое говорили шёпотом. Орех — это крутые машины, кафе, бандиты, зоновские, весь тёмный взрослый мир разом. А Сэнсэй говорил про него — Пашка. Как про соседского мальчишку.

— Я набирал тогда группу, — продолжил Сэнсэй. Он говорил медленно, не очень охотно, как человек, который давно не доставал эти вещи из шкафа. — В секцию. И ходил по детдомам — брал оттуда ребят. Им спорт нужнее, чем домашним. Домашнего и мамка приголубит, и накормит. А детдомовскому куда? Только в зал. И обязательно рядом ну-

жен кто-то, кто скажет ему: ты сможешь, ты ничем не хуже остальных ребят.

Он помолчал.

— Паша был — крепкий орешек. Под стать фамилии. Верно ему воспитатели дали, — Сэнсэй грустно улыбнулся. — Я его так и звал, Орешек. Из детдома сбегал — не сосчитать. Дрался постоянно. Первые полгода вообще всех вокруг ненавидел. Я его на ковёр ставлю, в спарринг, а он натурально бьётся не на жизнь, а на смерть. Зубами, ногтями — вообще туши свет. Восемь лет пацану, а уже волчонок.

Андрей слушал, не дыша.

— А потом — оттаял. Я его к себе домой стал водить. После тренировок. Чаю попить, пообщаться нормально. Тепла ему не хватало, понимаете. Просто тепла. Не еды даже — еды в детдоме давали. А вот чтоб кто-то рядом сел и просто так был — этого не было.

Сэнсэй посмотрел в сторону — туда, где за домами был его дом.

— Он с Машкой подружился. С внучкой моей. Она маленькая совсем была, шесть лет. А он — здоровый уже стал, подросток, пятнадцать отметили. И вот они — водой не разлей. Он её на плечах таскал. На парады, на праздники. Защищал во дворе, если кто Машку обидит. Снеговиков с ней лепил. — Сэнсэй чуть улыбнулся, но улыбка вышла не радостная. — Старший брат, считай. Лучше всякого брата.

Повисла тишина.

— А потом ещё была баба Глаша. Соседка наша. Старушка. Главным бухгалтером на «Электросигнале» работала всю жизнь, до пенсии. Умная была — страсть. Полдома к ней за советом ходило. А под старость глаза сдали, почти ослепла. И Паша к ней заходил — книги читать. Вслух. Она лежит, а он ей читает. Часами. Всё читал — что в доме было. Дюма, помню, ему понравился. Всё собрание сочинений ей прочёл. «Граф Монте-Кристо» очень ему запал.

Сэнсэй замолчал надолго.

— Вот такой был Паша Орехов.

Никто не говорил.

— А потом? — спросил Саня. Очень осторожно.

— А потом... вот. — Сэнсэй провёл по воздуху свободной рукой.

— А вы с ним... видите? — спросил Андрей.

Сэнсэй посмотрел на Андрея.

И ответил честно:

— Нет. Давно нет.

— А чего? — очень по-простому, как умел только он, поинтересовался Юрка.

Сэнсэй не сразу ответил.

— Сам не знаю, ребята. Стыдно ему, наверное. Передо мной. Кем он стал, — Сэнсэй сказал это без обиды, спокойно. — А может, и не стыдно. Может, просто жизнь развела. Бывает. Растишь человека, отдаёшь ему — всё, что есть. А он вырастает и уходит своей дорогой. И дорога — не та, ка-

кую ты хотел. Но он же не твой. Он свой собственный. Ты ему только тепла дал, сколько мог. А куда он это тепло денет — уже не тебе решать.

Ребята молчали.

— Ладно, — сказал Сэнсэй обычным голосом. — Поздно уже. По домам пора, ребята.

Он закинул авоську на плечо.

— Сэнсэй, — сказал Тимур. — А он... а Орех — он хороший или плохой?

Сэнсэй остановился. Подумал.

— Не знаю, Тимур, — сказал он. — Я знаю, каким он был в детстве, когда читал слепой бабке «Монте-Кристо». А каким он стал сейчас — не знаю. Давно не видел.

И пошёл.

Потом, через несколько шагов, обернулся и добавил — то ли им, то ли себе:

— Но я так думаю — кто в детстве слепой старухе книги читал, в том это где-то осталось. Глубоко. Под всем, чторосло. Просто так это не пропадает.

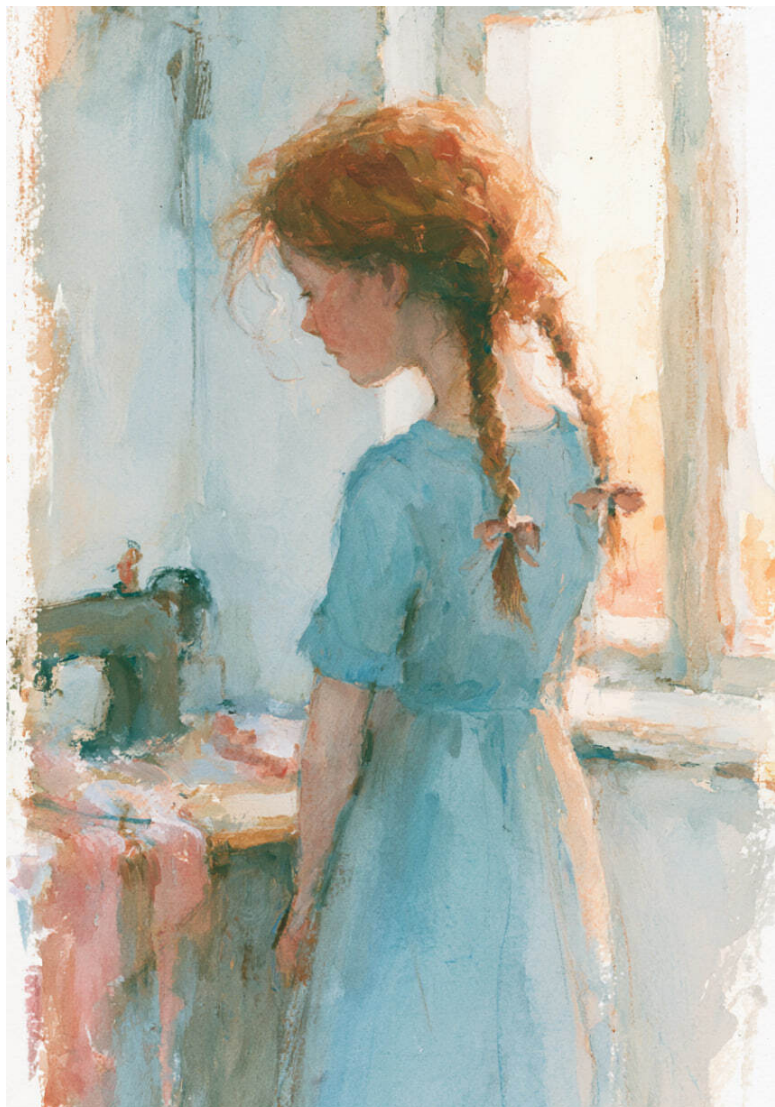
Посмотрел на Юрку и добавил: — Ты со мной?

Юрку второй раз приглашать было не надо.

Из окна девятиэтажки донеслось: — Виталя, домой! Срочно!

Глава 4

Новое платье Али

I

Утро вто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.